

Дмитрий РА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

А БОГАНУТЫЙ

Дмитрий Ра Баганутый. Том 5

Серия «Это мы не проходили...», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66194148

SelfPub; 2022

Аннотация

Создать мир – это как создать хорошее порно. Подбери актеров, аппаратуру, свет. Покажи, как правильно вставать в позу. Вот и имбанутый школьник решил расставить всех на свои места. Обзавелся силой, деньгами, подругами, врагами. Вот только оказалось, что он не имбанутый. И даже не школьник. И обзавелся он не девочками.

От автора: это во всех смыслах последняя книга для любого современного и порядочного читателя. Здесь убивают котиков, между эльфийскими ногами не тайна, а пельмень, орки слушают Шопена, а священники отказываются от пожертвований. Серьезно, это последняя книга очень трэшовой серии. И трэш тут выжигает клеймом обценной лексики, насилия, кишков и содомии на сладких попках моралфагов. Поэтому читайте на здоровье эту веселую сказку своим детям на ночь.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Проникающие последствия	10
Глава 2. Бредлючения начинаются	25
Глава 3. Зашкварный кринж	41
Глава 4. Воспитание строптивой дочурки	67
Глава 5. Геноцидист	83
Глава 6. Психопати	99
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дмитрий Ра Баганутый. Том 5

Пролог

Взгляд со стороны

Аша Ааану, Всевидящая Закатной Звезды

Рожденная в день третьего стояния младшего близнеца

Кентавры. Видяшие. Всевидящие...

Ик!

Ухо. Трайл сказал сохранить его ухо. Она смотрела на синее ухо эльфа. Длинное. Астария его подморозила. Теперь это холодное синее ухо. И из уха должен родиться новый Трайл. Если только его план сработает. Но прошло уже три дня, а ухо все еще ухо.

Аша взяла ухо. Катя подозрительно прищурилась:

– Аша, не трогай. Нельзя.

Всевидящая положила ухо на место и продолжила на него смотреть. Прошептала:

– Трайл, ты слышишь?

Но он ее не слышал. Как и она перестала слышать его. Она никогда никому не говорила, что видит их. Струны, соединяющие всех паутиной. Они путаются, рвутся, становятся

ся тоньше и толще...

Ик!

Но общее между ними одно. Тысячи струн рано или поздно сплетаются в одну и тянутся к нему. Где бы он ни находился. Так она знает, что он жив. Если коснуться этой струны, то можно почувствовать его мысли... Так стало с тех пор, как она побывала в нем.

Ик...

– Эй, Трайл, – громче прошептала Аша.

Катарсия не удержалась:

– Аша, ты же больше не кушаешь грибы. Да? Да? Говорила, что да.

– Не, – зажевала Аша и, сунув руку в мешочек, вытащила чёрную ножку, положила в рот.

– А, понятно.

– Сырокушка. Такое можно. Что-то вождя нет.

– Он вернется. Обязательно. Это же Трайл, – пожала плечами Катя.

– Что-то случилось...

– Почему? С чего ты взяла? Просто перестань есть грибы.

– Мы должны идти.

– Да куда идти-то? – занервничала эльфийка. – Нам сказали ждать. Вот и ждем.

– Он не вернется. Ик...

Астария зашла под навес.

– Сплетничаете, девочки? Ну? О чем?

Аша внимательно посмотрела на ледяную деву. Хорошая она. И плохая. Аша давно перестала приглядываться к ее струнам. Слишком сложно, слишком далеко. Астария понятия не имеет, кем станет и что сделает.

Аша зевнула. Она не перестала быть всевидящей после переселения в новое тело. Наоборот. Магия усилила ее, но помогла не слышать голоса. Вечная проблема кентавров. Они имеют дар предвиденья, но не могут им пользоваться из-за врожденного недостатка магических сил.

Ик...

Правда все стало так тяжело. Ее перестал интересовать мир вокруг. Из последних сил она пытается сохранить свою нормальность, но с каждым днем это получается все сложнее и сложнее. Окружающие замечают ее странность. Но Аше было все равно. Она прожила тысячи и тысячи вариаций своей жизни и видела, как окружающие убивали, предавали, ели грибочки, пели песенки. Один раз она поймала жука-носорога и убила его. И почему-то это событие не сделало реальность такой, где с неба падает огромная скала и уничтожает мир. Огромный валун пролетел мимо – едва коснувшись Варгарона.

Как это работает, Аша сама понимала не до конца. А уж объяснять другим... скучно. Они уж тем более ничего не поймут.

Отросток, больше похожий на крыло с золотыми перьями зашевелился, выгнулся, и она почесала себе им нос. Удобная

штучка. Можно чесать носы. Ик...

Ладно, наверное, пора попробовать.

Аша молча встала и под удивленный взгляд эльфиек вышла из-под навеса. Как жарко. Но так хорошо. С каких пор ей так нравится жара?

Катарсия и Астария вышли за ней:

– Ц. Ты чего?

– Летать хочу.

Взмах! Порыв ветра поднял песочную пургу. Катарсия прикрылась руками, а Астария отступила. Из других навесов стали выходить остальные. Эхзолл прищурил глаза:

– Во имя Бордула, что вы тут творите? Я же сказал сидеть и ждать!

Взмах! Второй! Третий! Воздушный поток оторвал Ашу от земли.

Четвертый!

Выше!

Пятый!

Еще выше!

Аша быстро набирала высоту и, когда стало влажно и прохладно, она разрешила себе посмотреть на этот мир.

Внизу желтеет море песка. Справа величественные горы, чьи шпили упираются в самые облака. Слева зеленеют деревья. Вдали что-то голубеет. Большая вода...

– Трайл, ты слышишь?!

Аша стала падать.

Ик. Как спустаться, она не знала. Зачем она вообще взлетела? Ах, точно. Отсюда лучше видны струны. А маленький грибок, что рос внутри нее, позволил смотреть еще дальше.

Пока она падала, видела, как самая толстая из струн тянется куда-то далеко... в горы. И что-то Аше не понравилось. Струна стала мигать, ее черный цвет светлел. Еще немного, и она оборвется. Она потянулась рукой. Коснулась...

– Трайл?... Ты умер? Ответь, если уме... Ик.

Никто не ответил, но вместе с «ик» случился «бам». Аша врезалась во что-то твердое. Песок разлетелся во все стороны. Аша зевнула, лежа в небольшой кратере. Ребенок в животе недовольно лягнулся, и нимфа погладила себе животик.

Кто-то звал ее. Кто-то бежал к ней. Она упала далеко от лагеря.

Аша лежала, жевала и гладила животик. Ей было непонятно, что происходит. Трайл казался мертвым, но его струна не оборвалась. Интересно, почему?

Астария и Кая, оседлавшая Эхзолла, явились первыми. Маленькая зеленая самка орка спрыгнула с четырехногого и подбежала ближе.

– Аша! Ох ты предочки-то мои. У тебя ножка сломана, Аша! Зачем ты это сделала?!

Аша лениво приподняла голову и увидела свою вывернутую под неестественным углом ногу. Так вот почему она болела. Как оно бывает-то...

Аша не просто так свалилась именно тут. Здесь струна

Трайла видна четче. Если это можно так называть.

А еще ее зовут Нимфоняша. А до этого Кентавряша. Правда, Кентавряша ей нравилась больше. И вот сейчас Кентавряша смотрела на струну Каи... На ту, что выходила из ее живота. Она сплелась с толстой струной Трайла. Передавила ее, перекрывая воздух. Существование Каи лишало жизни Трайла. Интересно, почему?

– Кая? – скосила Аша голову на бок. – А зачем ты это делаешь?

– А? Что делаю?

Глаза Эхзолла расширились. Астария закричала:

– Стой!

Поздно! Острое основание золотого крыла было слишком быстрым. Оно устремилось прямо в живот до ужаса удивленной Каи.

Брызнула кровь...

– Не.

Глава 1. Проникающие последствия

Взгляд со стороны.

Гурон Бескассовый в теле Реордана, бывшего ловчего Га-шарта

Молот всеотцу в самую глубокую нору!

Гурон еле успел. Правда его проткнуло насквозь, но боли он почти не чувствовал. Страшно захотелось пить. Опять. И не воду, а «особой гномьей» с кровью скарлса. Гурон сам не понимал, почему его вкусы так изменились. Простую кровь он хоть и пил, но без особого удовольствия – просто чтобы залечиться. А еще в нем появилась магия. Он ее чувствовал, понимал, что она такое, но не знал, что делать. Это как... наполненный грогом желудок, но с придавленным молотом мужским естеством. Хочется по-маленькому, но не идет. Гнома разрывало изнутри, но он не знал, как и куда все это девать.

Гурон ухватился за крыло Аши, сурово посмотрел на нее своими новыми глазами:

– Ты со скалы рухнула, грибоедка чокнутая?!

Эхзолл сорвался с места. Его руки засияли зеленым. Аша успела увернуться, с силой выдергивая из живота Гурона

свой острый, как меч, отросток. Одним прыжком она оказалось далеко в стороне ото всех. И как только с больной ногой так скачет.

Астария покрылась льдом, но в бой вступать не спешила. Она пыталась разобраться, что происходит.

– Я не ем грибы, – надула губки золотая нимфа. – А вот Кая обманщица. Давайте ее убьем, не?

– Не, Аша, не! – заорал окровавленный «гном». – Ты чего вытворяешь? Что тебе Кая сделала?!

– Вы не поймете.

Эхзолл нервно хмыкнул:

– Интересное замечание. Похоже, мы тут все тупые. Одна ты умная, нимфа. Прожили сотни лет и вот на тебе. Мы ничего не понимаем. Тебе лучше объясниться пока... – он сделал шаг назад. – Астария не разобралась с тобой.

Эльфийка цыкнула на свой манер:

– Не думала, что некроморфы так трусливы.

– Не сотрясай воздух, эльфийка. Если ты предпочитаешь быть дурой, а не трусихой, то у меня для тебя плохая новость.

– Меньше слов.

Астария грациозно махнула рукой. Сосулька полетела прямо в Ашу. Первая, вторая.

Аша накрыла себя собственными крыльями, превратившись в подобие кокона. Лед разбился, не оставив на ней ни царапины.

– Очень неплохо, – оскалилась эльфийка. – Так ты будешь говорить или мне воспользоваться чем-нибудь поинтереснее?

Аша искренне заинтересовалась:

– Хочу интереснее. Покажи.

Астария побелела. На жаре холодный пар выглядел очень внушающее. Гурон и Эхзолл отступили подальше.

Кая, лежащая на песке, вышла из ступора:

– Перестаньте, пожалуйста. Давайте просто поговорим. Я уверена, что мы сможем понять друг друга.

– Это уж точно, молотом мне по голове. Может...

Поздно.

Глаза Астерии загорелись красным и белым одновременно. Все, на что она смотрела превращалось в острые глыбы льда. Холод въедался в жару, разрывая ее с особой жестокостью.

Аша взлетела. Астарию это не остановило, она вздернула голову. Лед догонял королеву нимф прямо в воздухе. Ее нога оледенела, огромный ледяной валун тяжестью повис на ней. Аша падала. Прямо на острые, как иглы, морозные шипы.

Астария торжественно зашипела:

– Долеталась.

Кая прикрыла ладонями глаза:

– Хватит, Асти, пожалу-у-уйста!

Эхзолл взмахнул рукой в самый последний момент. Зеленая энергия смела колья и Аша упала на мягкий песок.

Астария резко перевела взгляд на некроморфа. Но слава всеотцу, в лед его не превратила.

– Объяснись, некроморф.

– Ты объяснись, истеричная эльфа. Что она расскажет, если умрет?

– Она нимфа. Они от такого не умирают!

– Не надо мне рассказывать об анатомии нимфы. Я знаю о ней лучше тебя.

– Ц.

Аша в бой не рвалась. Медленно встала, отряхнулась, лениво осмотрела присутствующих.

– Я – всевидящая. Вижу судьбы. Немного там, немного тут. Судьба Трайла пересекается с судьбой Каи. Кая, ты убиваешь своего вождя своим существованием. Убей себя.

Кая открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Не смогла выдать из себя ни слова. Эхзолл решил ей помочь.

– Объяснись, нимфа. Что это значит? Я больше поверю, что его убили вампиры. При чем тут Кая?

Аша только пожала плечами, на что Эхзолл пренебрежительно фыркнул:

– Девка носит его ребенка. Кая, он тебя изнасиловал что ли? Ты решила его убить? У тебя есть такое намерение? Что за бред несет эта чокнутая? Я начинаю уставать. А ты, – он ткнул пальцем в Ашу. – должна знать, что ваш кентавриный род часто ошибается. Вы видите не будущее, а возможное будущее. И таких может быть несчетное количество. Неуже-

ли ты этого не понимаешь?

– Я – не видящая. Я – всевидящая. Вижу иначе. Кто-нибудь хочет сырокушку?

И вытащила из мешочка на поясе рыжий грибок.

– Никто не хочет твои грибы!

– Зря, – вздохнула Аша и, сунув себе в рот сморщенное угощение, безразлично зажевала. – Жалко Трайла. Хороший был вождь. Не скучный. Вы скучные. Уйду от вас.

Астария холодно рассмеялась:

– Отличная идея. Катись к Асмодею. И чтобы мы тебя больше не видели. Кстати, это отличная идея. Меня тоже начинает нервировать ожидание. Рео мертв, это очевидно. Что мы до сих пор здесь делаем? Ждем, когда нас убьет чокнутая нимфа, любительница ядовитых грибов?

– Не. Не ядовитых, – уточнила Аша. – Ядовитых больше нельзя.

– Да всем плевать. Как только солнце сядет, я уйду. И будьте вы все прокляты со своим вестником и вождем. Ц.

Астария развернулась и пошла в сторону лагеря.

Катарсия выглядела растрепанной. Пот лил с нее ручьями. А говорят еще эльфы не потеют. Врут, склирз их подери.

– Что тут происходит? А? А?

Кая хлопнула носом:

– Аша... расстроилась. Но все закончилось. Да ведь, Аш?

А вот Гурон не был в этом так уверен. Спокойная нимфа, к которой он успел привыкнуть, изменилась.

– Аша, а ты увере...

– Тш-ш-ш-ш-ш... – прислонила нимфа пальчик к губам.

– Да что еще?

– Я слушаю. Он говорит.

Катарсия с Гуроном переглянулись. Ну вот, опять она за свое. Теперь еще и голоса в голове. Они поспорили на десять серебряников, что Аша чокнется в ближайший год. Похоже, гном выиграл.

– Кто, Аша, молотом тебя. Кто говорит? Хозяин? Бабочка? Камень?

– Не.

– А кто?

– Хранитель.

Нимфа смотрела сквозь них. Йолопуки не выдержал:

– Нимфа сошла с ума. Но это не страшно. Нимфа нужно по голове ударить, а потом съесть. Йолопуки пробовал нимф. Костлявые, но вкусные. А если еще с грибами в котелке отварить, то опа-шпопа получается. А грибы и так уже в ней. Йолопуки доволен.

Катарсия восприняла Ашу серьезнее:

– Какой хранитель? Что он говорит?

– Он говорит... что время пришло. Он говорит, что мы бросили его. Не стали идти на помощь.

– Что? Кого бросили? Трайла? Он что, жив?

– Да. Мы должны были пойти его спасать и погибнуть, либо отступить, предать, оставить. А еще он говорит, что пу-

стыни неизмеримы глубиной и всегда были его. Ик... Я вижу развилки. Как будет. И как могло бы быть.

Йолопуки вздохнул, сунул палец в нос:

– А Йолопуки съест зеленую соплю или нет? Как будет?

И показал Аше выковыранные «носовые дары».

– Съест.

– Не правда! Йолопуки не... такой.

И сунул палец в рот, смачно обсосал.

– Йолопукой нельзя управлять. Йолопуки и так хотел это сделать. Не обманешь, хитрая маленькая Аша-каша. Иди считай звезды.

– Хранитель говорит мне, что нашел воды времени. Мы как раз там, где они протекают.

– Во имя бороды всеотца, Аша, ты говоришь, как монахиня. Какие еще воды? Мы в пустыне. И как это связано с тем, что ты напала на Каю?

– Гуро! Под ногами!

Аша резко взлетела, а Эхзолл подпрыгнул, но это не слишком ему помогло. Он приземлился в песочное болото. Пустыня ожила. Золотой песок намок, изменился в цвете.

Гурон ужаснулся, застревая по колено:

– Зыбучие пески! Дри! Дри! Беги!

Гурон прекрасно знал, что это такое. Болото посреди жаркой пустыни. Попав в него, выбраться будет почти невозможно.

Некроморф безуспешно загребал всеми конечностями:

– Нимфа! Что происходит? Кто это делает? Я чувствую магию! Нимфа, ответь!

Аша смотрела на них стеклянными глазами. Похоже, ей все равно, что все те, с кем она делила пищу и кров, медленно погружались в земные толщи.

Эхзолл покрылся зеленой пеленой, но это ничем ему не помогло:

– Доган-бан! Это ты?! Доган?! Что ты делаешь?!

Вдали что-то засверкало, подуло морозным воздухом. Астария тоже попалась и пыталась сопротивляться. Йолопуки орал и лупил дубиной по песку:

– Мелким гадам не взять Йолопуки! Гадкие песчинки!

Усик противно перебирал паучьими конечностями. Драника накрыло с головой и, судя по толчку и глухому «Пу-уф», его разорвало прямо под землей. Катарсия горела синим пламенем, ее глаза бегали во все стороны, но не видели спасения. Она уцепилась за лапу Усика:

– А-а-а! Спасай меня, мой Усик! Умри, но спаси!

Усик старался, но его утянуло вместе с эльфийкой.

– Дри!

Гурон попытался вырваться, но не смог. Пески были непростые. Такое ощущение, что за ноги ухватились скзлпрыз.

– Гуро! – вытянула ручки гномиха. – Гу...

Она была самая маленькая, после Драника. И вот ее макушка скрылась. Торчала только вытянутая рука, но и ее со-

жрал безжалостный песок.

– Дри!!! Аша!!! Предательница! Помоги ей!

– Нет. Предательница не я.

Гурон только сейчас заметил, что Каи нет. Он даже не услышал ее. Пески поглотили ее молчаливой.

Последнее, что он увидел – золотая нимфа замахала крыльями и взмыла вверх. Выше и еще выше. Когда песок попал в глотку гному, он стал задыхаться.

Он умирал...

Молот мне в...

Камень зовет.

«Моя Дри...»

Я мудрое и великое существо. Ща, помедитирую, найду где-нибудь сил. Прорвусь и выебу этот Варгарон во все щели.
КАКОГО ХЕРА?!!

Так, хватит нецензурить. Без паники. Без паники.

Я еще жив. Вроде да. Прислушался к себе.

Могу думать.

«Ого, впечатляет»

«Ты дура?! Нашла время!»

Хм, странно. Я не вижу, не слышу, не чувствую самого себя, но зато могу думать. Без всякой наркомании и тому подобных прелестей.

Значит это и есть обычная вампирская тюрьма? Обычная...

Обычная...

Обычная...

Дыши. Хотя бы представь, что дышишь. Не паникуй. Если запаникуешь, то все будет потеряно.

Щас. Только соберусь с силами и выберусь...

Так, надо срочно сделать что-то ненормальное. Как-то развлечься.

Черт, заживо погребенный. Я...

– Приветствую, вамис.

Я бы вздрогнул, если бы понимал, как это делается. Поэтому просто представил, что обосрался.

– Кто здесь? – подумал я. Почему-то был уверен, что меня услышат.

– Меня зовут Геоцентин. Я отвечаю за вамисов в северном зиккурате рода Азариус. Мое дело – не дать тебе уснуть и сохранить рассудок для познания всех сладостных моментов вечного погребения.

Я сглотнул. Да, сглотнул. Так и представил. Я должен верить, что являюсь живым, а не эфемерным и воображаемым куском вечномудрого дерьма, летающего в космической прострации.

Страшно. Страшно. Страшно.

– Поясни, – выдавил я в мыслях единственное слово.

– Поясню. Ты бессмертен. Но теперь ты еще и вамис, лишенный привилегий называться высшим. Властью младшей прародительницы Азарианы, в ближайшие тысячи лет ты бу-

дешь слышать только мой голос. Ну или голоса тех, кто придет на смену меня. Запоминай каждое слово и будь внимателен. Потому что в ближайшие сотню лет мы с тобой больше не поговорим.

– Сотню? Бляха, да за что?

– Я не судья. Я палач. И мне не обязательно знать, за что. Ты готов слушать или мне замолчать?

– Говори.

«Паскуда». Подумал я, забыв, что и так думаю, а не говорю. «Палач» проигнорировал хамство.

– Раз в день ты будешь слышать колокол. Один удар. Это значит, что прошел день, неделя или месяц.

– Что? Какого черта?

В голосе прозвучала легкая насмешка:

– Скоро ты поймешь, почему так. Жди колокола и считай. Через сто лет мы поговорим еще раз. А потом еще через сто. А потом еще. И еще. И еще. Так что хорошо подумай, что ты хочешь обсудить. Я с превеликим наслаждением выслушаю и даже посочувствую.

Голова панически соображала:

– Как я могу выбраться отсюда? Есть условно-досрочное? За... за хорошее поведение?

– За хорошее поведение? Но ты ведь и так будешь хорошо себя вести. Лучше просто невозможно.

– Я могу... могу...

Я не буду унижаться. Злость в груди стала разрастаться.

– Я могу пообещать, что, когда выйду, не засуну тебя в жопу Пуку. И не спрашивай, кто это. Оставь в воображении.

«Заткнись, заткнись, заткнись!»

– Я это запомню, спасибо. В моем зиккурате покоятся древние вампиры, прожившие тысячи лет. Они могущественные. Если дать им свободу, то они потянутся с хранителями. Одним заклятьем они жгли города, проклинали цивилизации. Я с ними иногда веду беседу. Как думаешь, они мне грозили? И насколько ты страшнее их?

«Доволен? Испугал ежа жопой?»

– Я не понимаю, зачем так жестко? Я и через пару недель все прекрасно пойму. Зачем вечность?

– Не я устанавливаю правила.

«Правила?»

У меня словно язык откусился. Не представляю, что еще можно сказать или спросить. Может послать на...?

«Не смей!»

– Есть хоть какие-то шансы отсюда выбраться?

– Шансы? Что значит шансы? Сейчас мы все погибнем, и ты сможешь выбраться? Или Варгарон превратиться в вечную пыль? К тебе придет на помощь хранитель или иная могущественная сущность? Это и есть шанс? Да. Так ты сможешь... спастись. Но, насколько я знаю, за пять тысяч лет такого не случалось. Либо от меня что-то скрыли. Но это вряд ли.

Палач наигранно вздохнул:

– Легче всего смириться, правда. Чем быстрее ты это сделаешь, тем интереснее будут наши беседы. Знал бы ты, что вы мне рассказываете. Сам бы никогда не додумался. Ваше положение расширяет сознание, и через тысячу лет вы даже перестаете просить выпустить вас. Вы становитесь почти богами в своем маленьком темном и воображаемом мирке. Поэтому не все так плохо, как кажется. Да и я не дам тебе сойти с ума.

Пауза.

– Так, похоже наше время почти закончилось. Советую поторопиться. Что бы ты хотел еще услышать?

Твою мать. Твою муть! Нет! Нет! Бордул, спаси меня!

– Хорошо. Тогда вот что скажи... на ваших картинах я успел заметить одну женщину. Брюнетку. Кто она?

– На картинах? А, ты про прародительницу. Она основательница анклава Вампиров. Первая из нас и все мы происходим от нее.

Если бы у меня было сердце и я мог чувствовать, то оно бы запросилось наружу, выламывая грудную клетку.

– И... и как ее зовут?

– А почему ты интересуешься? Никто ее не видел много тысяч лет. Так что на аудиенцию не рассчитывай.

– Я видел ее.

Тишина.

Возможно, самую малость, но я почувствовал в собеседнике толику заинтересованности:

– Вроде еще и дня не прошло, а ты уже видишь прародителей всех вампиров? Я знаю, что ты неинициированный, поэтому не знаешь о ней. Как ее имя?

Я реши рискнуть:

– Похоже я тебя заинтересовал. Что взамен?

– Очень интересно. Решил поторговаться?

– Почему бы и нет. Хуже все равно не будет. Разве что перестанешь звонить в колокол и разговаривать со мной раз в сто лет. Как-нибудь переживу. А вот ты не узнаешь самое важное за все свои тысячи лет или сколько там тебе.

Скромный смешок:

– Не преувеличивай. Ну хорошо. Это немного интересно. Мы будем разговаривать раз в пятьдесят лет, а не в сто. Ну как? Выгоднее предложить не могу. Сам понимаешь. Правила. А нарушать их ради маленького любопытства я не собираюсь.

Похоже, большего я от него не добьюсь. Но так я могу заинтересовать его. И пусть эти пятьдесят лет ждет он, а не я. Пидр драный.

– Ее зовут...

– И как же? Даже в анклав не все этого знают.

– Итерна.

Тишина. Я не мог понять сколько времени прошло. Минута? Десять? Час?

– Кто тебя обратил, вамис?

Голос казался слишком спокойным. Даже бывшая насмеш-

ка отдавала легкой фальшью.

Настало время мне играть:

– А ты как думаешь? Больше ты ничего от меня не услышишь. Расскажу через пятьдесят лет.

Тишина.

«Ты, блин, серьезно?»

«Заткнись, ему дохренилион лет. Нельзя показывать страха»

Я бы закрыл глаза, если бы вместо них у меня не было стальных шаров.

Я заставил себя сказать:

– До скорого...

Тик...

Так...

Тик...

Так...

Тик...

Так...

Глава 2. Бредлючения начинаются

Тик...

Так...

– Эй, Шиза, ты тут?

– Я не Шиза! – завизжала Шиза. – Я твоя адекватная часть!

– Заливаешь...

– Я не Шиза!

– То есть я разговариваю сам с собой, и это норма? Я где-то в книгах читал, что общаются с жабами и хомяками. Но со своей адекватностью... Ты сама в это веришь?

– Агам-с.

– Не. Ты Шиза. И я придумал тебя, чтобы не сбрендить в край. Это норма. Все так делают. Скажи спасибо, что ты не наркомания. Ну, знаешь там, типа «я летаю в облаках, чувствую мироздание» и так далее и тому подобное. Хрень же унылая...

– Слушай, мы еще ни одного колокола не услышали, а ты меня уже достал.

– Мне скучно! Меня как бы приговорили к вечной тюрьме в позе, где даже жопу не почешешь.

– Она у тебя не чешется.

– Это неважно!

– Ты точно правильно себя ведешь для человека в своем

положении?

– Все-таки предлагаешь впасть в наркоманское уныние?

Так быстро?

– Все равно же придется.

– Не факт.

– Факт. Скоро начнешь пускать слюни и философствовать о жизни и смерти за гранью бытия.

– Звучит уныло.

– Ну дык...

Мы помолчали чуть-чуть. Подумали, так сказать.

– Шиза, ты тут?

– Да тут, епт! Я – адекватность!

– Слушай, а если вампиру на глаз нацепить зеркало, то он будет видеть все позади себя?

– Э-э-э...

– Ну он же не отражается в зеркалах.

– Ты отражаешься.

– Да я о других вампирах. Неотражающихся.

– Таких не бывает.

Тишина.

– Шиза?

– Да!!!

Тишина.

– Че орешь?

Тишина.

– Игнорируешь меня?

Тишина.

– Шиза не оставляй меня! Кто теперь будет моей воображаемой сучкой?!

– Ой, debil...

– О, ты тут. Я уж испугался.

– Я бы на твоём месте тоже испугалась. Так общаться с самим собой – это плохой признак.

– Ну-ну. Расскажи мне о правильном в нашем положении. Давай.

– Я спать.

Бам!

– О, первый звоночек! Ты слышала, Шиза? Прошел день!

– Или неделя. Или месяц. Так сказал палач.

– Хочешь сказать, что мы уже настолько дубнулись, что не отличим сутки от месяца? Да ну...

– Ну он же не зря сказал, что этот гонг может значить как день, так и неделю или месяц. Хочет, чтобы ты стал наркоманом мироздания побыстрее. Пудрит тебе мозги.

– Это понятно. Но пока я не чокнулся. Прошел день.

– Как хочешь.

Прошло сколько-то времени.

Бам.

– Шиза! Гонг! Второй день прошел.

– Или неделя. Кстати, это третий сигнал. Не второй.

Я впал в ступор, «прищурился».

– Че-то ты опять заливаешь...

– Не. Точно третий.

– Но я слышал второй! Два дня прошло!

Шиза довольно оскалилась:

– Че, ссыкотно?

– Нет!

– Хе-хе. Ладно, шучу. Да, это второй. И да, прошло два дня.

Я немного прихерел.

– То есть ты специально мне воду в уши лила?

– Ага.

– Нахера?

– Так веселее...

– Ты очумела? Я тут пытаюсь не впасть в наркоманию и уныние, а ты решила поиграть с нашими мозгами?

– Было бы с чем играть...

– Да пошла ты.

– Сам пошел.

– Сучка.

– Наркоман.

Тишина.

– С Итерной странная тема.

– Ага.

– Получается, она создала всех вампиров? То есть она укусила меня, чтобы я укусил ее настоящую. Мы обратили друг друга, а потом она в прошлом наделала кучу вампиров. А откуда же тогда вампиры взялись? Что опять за затрахан-

ная шуточка с курицей и яйцом? Всем и так понятно, что первым был петух.

– О, а я такой теории не слышала.

– Так я только сейчас ее придумал. Хотя смахивает на ба-
ян.

– Прикольно. Но вообще да, странно. Получается, что эволюции вампирской не было. Они просто появились из-за временных парадоксов. И кто был в самом начале – непонятно.

– Крч, магия, ясно?

– Ясно. Мозгов не хватает объяснить, да?

– Пошла ты.

– Ну, ничего – у нас есть сотни лет, чтобы поумнеть и помудреть.

– Слушай, Шиза, чет я сомневаюсь, что это так работает. Сама подумай, как мы поумнеем взаперти сами с собой? Где возьмем жизненный опыт? Как будем учиться? Ну, я могу поковыряться в памяти и доучить таблицу умножения... Где еще взять знания?

– Из памяти тех, в кого ты вселялся.

– Не. Хрень. Я копирую инфу из чужой головы со временем. Чем дольше нахожусь в чьем-то теле, тем больше вспоминаю. А так только эмоциональные моменты. Кстати, Ши-за, приколы, да? Я прекрасно помню, как Реордан первый раз трахнулся с Дриайей. Он херус свой до нее не донес, обкончался. Вот стыдоба-то была. Вот это я хорошо помню. В моз-

ги ему это въелось.

– Не продолжай. Я поняла. Лучше таблицу умножения подучи. Семью семь?

– Сорок два! – не раздумывая, ответил я.

Шиза хлопнула себя по лбу в безмолвном «ой, долбо-
щер...»

– Бордула за выпирающую простату! Ты специально это!
Я всегда путался с «семью семь».

– Я думала, ты имбанутый...

– Но не умножанутый же, сука ты драная!

Тишина.

Бам! Бам! Бам! Бам!

Я зевнул.

– Слушай, Шиза, как думаешь...

– Отъежись...

– Да я даже не спросил!

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

– Ты обиделась?

Бам! Бам! Бам!

– Сорок девять?

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

– Ты как обидчивая жена, изменившая мужу! Мол, сам
виноват, что плохо меня трахал! Ответь, падла! Язык вырву!

Бам! Бам! Бам! Бам!

– Слушай, я вспомнил алгоритмы. Херасе они сложные...

Бам! Бам! Бам! Бам!

– Даже передернуть не могу. Слушай, Шиза, а может ты это...

Бам!

–... отсосешь?

Бам!

– Ого, я вспомнил историю Российской Империи. Помнишь, как Иван Грозный с гранатой наперевес под немецкий танк бросился? Вот ведь герои были при Ельцине Великом. Все, я решил. Буду думать над бояркой...

Я отчетливо услышал звук «фейспалма».

Бам!

– А я уж думал ты сдохла, Шиза. Я должен тебе признаться. Это очень важно...

Бам! Бам! Бам!

– Я...

Бам!

–... тебя...

Бам! Бам!

–... люблю.

– А я тебя нет.

– Ну и пошла нахер!!!

Бам! Бам! Бам! Бам!

– Что-то давно колокольчиков не было, Шиза. Я переживаю...

– Ага. Неделя идет.

– А вот теперь я запутался. Может месяц?

– Я тоже запуталась.

– А вампиры знают толк в извращениях. Кстати, я ведь и правда спать не могу. Хотя пытался. Не знаешь почему?

– Магия.

– Точно.

Бам!

– О, слышала?

– Нет.

– Ну пробило же.

– Я ничего не слышала. Тебе показалось?

– Думаешь?

– Ага.

– Ну ладно.

Кукареку!

– О, новый звук.

– Все-таки петух...

– А я тебе говорил! А! Говорил же! А говорила мудрым не стану!

– Это ты говорила!

– Нет, ты говорил.

– Так стоп. Я запутался. А кто сейчас говорит? Я или ты.

– Шиза.

– Ты.

– Э-э-э...

– Э-э-э...

– Похоже начинается...

– Угу.

– Ты это видела, Шиза?

– Что?

– Ну звездочки. Три штуки.

– Вот такие: ***

– Да.

– Не, не видела.

– Я тоже.

– Показалось, бывает.

– Ну да.

Прошло тринадцать лет.

– Кто это сказал?

– Что?

– Ну, что прошло тринадцать лет.

– Я не говорила.

– Похоже в наших рядах крыса.

Тишина.

– Да, похоже на то. Слышал, кто-то сказал «Тишина».

– Угу, слышал. Эй, падла-третий лишний, ты кто? Моя третья личность?

– Не отвечает.

– Угу. Сука.

Я не сука, я кобель, хочешь ротиком проверь.

– Кстати, о стихах, Шиза. Может начнем сочинять?

– Не. Давай уже помолчим, а то уже все – трындец какой-то.

– Согласен. Ни в какие ворота.

Гооооол!

– О, еще гонг. Месяц прошел.

– Ага, походу наши наконец забили.

Бляха, штанга!

– Не. Не забили. Молчим дальше.

настоящие три звездочки

Все-таки полное бесчувственное забвение – это не так уж и страшно. Правда. Мне даже кажется, что тринадцать лет не прошло. Наверное, года два-три. А может пятнадцать? Со всеми этими кукареками и гонгами я совсем запутался. Мозги? Ну они, конечно, хереют, но... есть такая вещь, как сила воли. Можно заиклиться на своем сумасшествии, а можно всегда помнить, кто ты есть и кем должен стать. Достаточно вспомнить то же аниме. «Доктор Стоун». Там все люди резко превратились в камень и сходили с ума, но главный герой тысячи лет... считал. Просто считал. Один, два, три... миллиард, два миллиарда. Кстати, миллиард секунд – это всего тридцать лет. Кто бы мог подумать.

Я тоже пытался считать, но, как оказалось, я не в аниме. Сбилась где-то на парочке миллионов, и даже прокаченный вампирский мозг не спас. Я не понимал, сколько прошло времени, иногда я не понимал, кто я, а кто моя внутренняя Шиза, которую я придумал, чтобы не стать этой самой ши-

зой.

Я долго думал. Обо всем. В первую очередь: почему я? Нет, не почему мне так не повезло. Это очевидно. Так бы думал каждый на моем месте. Я думал, почему попал в этот мир. Есть миллионы и миллиарды более достойных и сильных. Возможно, даже существуют великие герои, которых я выдумал для Улук-Урая. Почему они умирают, а я попал в мощное зеленое тело и получил в руку магическую базуку?

А еще я придумывал сценарии, строил миры, сочинял поэмы. Перепроходил долбаный Киберпанк в своей голове. Вспомнил Морровинд и плакал месяц о страшной утрате. Перелопатил правила D&D и придумал новые. В общем, занимался всем, чем должны заниматься вековые мудрецы.

Мне хотелось быть уникальным. И я понял, как я себя сделаю таким. Именно сейчас. Именно в это время я останусь ямой. Тьфу, млять, собой. Мне плевать сколько пройдет времени...

Бам...

Десять лет? Тысяча? Миллион?

Бам...

Я буду жить. Я не сойду с ума. Я стану лучшим. Я стану сильнейшим.

– Заткнись, а, сильнейший? Спать мешаешь...

Я захлопал глазами, которых нет.

– В смысле, коза? Ты спишь?

– Да?

– Кааак?

– Да как-то получается, если сильно захотеть.

– Я тоже хочу!!!

– Хоти. Ну ладно, пока...

Моя Шиза снова меня бросила. Сучка ушла спать.

И именно такие моменты заставляют меня держаться. Существовать дальше в мире реальности, а не дерьмовых грез. Можно уснуть... Здесь можно уснуть... Уснуть... Забыться...

Я должен понять, как уснуть...

Бам! Бам! Бам! Бам!

Какой из этих «бамов» год, день, а какой месяц, я уже не понимал. Но зато часто думал о том, как меняется мир. Пока я тут торчу, все стареет и умирает. Серп... Я устал гадать, что там происходит. Живы ли они.

И если честно...

Вряд ли.

У них не было ни денег, ни правителя, который их сберег бы от внешнего влияния. Под носом гномов они стали бы обузой.

Скорее всего их всех уже перебили.

Бам! Бам! Бам!

Один миллиард, двести пятьдесят семь миллионов, тысяча пятьдесят три барашка, один миллиард, двести пятьдесят семь миллионов, тысяча пятьдесят три Коняшки... и так да-

лее... и так далее...

Мой внутренний мир изменился. «Темная комнатуха» стала яркой. Цветы, радуга, сочные краски и большие жуки ползали по мне, но я дал им имена. Гоша кусался, Кузя постоянно насиловал мой мизинец. Когда я досчитал до миллиарда, то стал чувствовать свой палец. Я назвал его Алексеем. И мой мизинец Алексей иногда двигался.

Ик...

Я «вздрогнул» и очнулся. Улетающее сознание вернулось. Не сходить с ума! Не сходить! Вечности не существует! Все рано или поздно кончается.

Я вернулся в реальность и продолжил думать о том, о чем думал пару лет назад. Почему я не чувствую всех, в кого переселялся? Я мог слышать чужими ушами, испытывать их эмоции. Но после того, как меня сюда засунули, связь затухла.

Но не полностью.

Что-то я чувствовал. Кого-то. Иногда мне слышался женский голос. Кто-то икал. Один раз отчетливо расслышал «Трайл, ты еще жив?...»

«Кто ты?» – спросил я тогда, но ответа не последовало.

Этот голос иногда выручал. В самые отчаянные моменты он пробуждал меня из полубреда.

Бам!

– Вамис, как самочувствие?

Если бы я дышал, то задохнулся бы. Если бы мог трястись,

то меня убило бы судорогой. Если бы я мог видеть, то в глазах бы лопнули железные шары. Голос! Настоящий! Живой! Кто это?

– К... кто?..

Тишина.

– Можешь говорить? – удивился голос. – Я под впечатлением. Скажи еще что-нибудь...

– Кто т... ы?

– Ну надо же... Я – твой лучший друг. Неужели ты забыл? Мы обещали разговаривать с тобой раз в пятьдесят лет. Пришло время.

– Пятьдесят лет? Я... не пятьсот?

Я испытал эмоцию, которую называют удивление. Неужели прошло только пятьдесят лет?

– Всего пятьдесят. Считай, что твой первый день пожизненного заключения прошел. Ну? Так как ощущения?

– П...

– П?

– ...шел на... х... й...

– Ничего. У тебя все довольно неплохо. Сейчас привыкнешь, речь вернётся. Я уделю тебе побольше времени. Ты обещал мне рассказать про нашу прародительницу. Не зря же я... – зевок, – столько ждал.

Что? Про кого я обещал? Что обещал? Пришлось сильно напрячься, чтобы понять, о чем идет речь и что такое речь и вообще, как понять.

«Тр-а-а-айл» – прошептал женский голос. Такой знакомый. Теплый, золотой.

Мозги просыпались.

Клетки регенерировали.

Нейронные связи восстанавливались.

Электрический сигнал передавал биты информации от одного полушария к другому.

– А-а-а-а! – заорал я в своей голове.

Голос палача стал четче:

– Неужели я ошибся? Пожалуйста, не порти мне день, ватис.

– Т-ы-ы-ы?

– Все верно.

– Я тебя помню.

– Отлично, – взбодрился голос.

– Т... ты! Ты знаешь кто такой Бордул?

– Первый раз слышу.

– О, нет. Нет-нет-нет-нет. Клянусь всеми его сиськами, я вас познакомлю. Я выберусь отсюда! Я выберусь, и ты будешь Бордуловой подстилкой тысячу лет! Он познакомит тебя со своим анальным расширителем и ты будешь молить о том, чтобы очутиться на моем месте! А-а-а!

Шиза зашевелилась:

«Жизнь тебя ничему не учит, ага?»

«Ага»

– Вот как? А я хотел тебе сказать, что твое заключение

окончено. А ты мне опять угрожаешь...

Я не мог поверить. Что?

Палач сладостно заговорил:

– Новые указания. Выпустить тебя.

– Ч... что?

Надежда загорелась огнем.

– Ладно, не буду томить. Я, конечно же, обманываю. Просто охладил твой пыл. Продолжай гнить дальше. Ну так что, поговорим?

Как же давно я не испытывал такой злобы.

И испытывал ли я ее вообще?

Казалось, что до этого момента, я не злился. Никогда.

«Тра-а-айл, еще рано...» – прошептал голос золотой нимфы. – «Трайл... ты слышишь... двести семь зим... потерпи еще... двести... семь... зим... Трай-й-йл»

Шиза конвульсивно-истерично пискнула.

Глава 3. Зашкварный кринж

Итак. Двести лет с незначительными копейками. Плевое дело, бро. Я решил лет пятьдесят выделить на то, чтобы понять, как уснуть. А то, ну нахер, такое бодрствование. Но для начала надо разобраться с этим утырком – палачом. Кстати, мне больше не девятнадцать лет. С чистой совестью я могу назвать себя «старчем» без жизненного опыта. А самое главное – настрой! Я все еще жив, в здравом рассудке, да и вообще – красавчик. Главное – не унывать!

Черт...

Как же я зол. Но это хорошо. Значит я – это пока что я, а не шмат овощного пюре.

– Ты меня слышишь, вамис? – напомнил о себе палач.

– Как будто у меня есть выбор.

– Может продолжим с того, на чем остановились? Так кто тебя обратил? Я попытался разузнать самостоятельно. Но вовремя понял, что лезу не туда. Но это еще больше подстегнуло мое любопытство, и я решил узнать все напрямую от тебя.

– Я отвечу, кто меня обратил. Но сначала ты скажи, что произошло в мире за это время?

– О, понимаю. Вы часто задаетесь этим вопросом. Что произошло за пятьдесят лет? Это сложный вопрос, потому что я этим не интересуюсь. И мне не дозволено покидать ан-

клав. Да и что такое пятьдесят лет для вампира...

– Но что-то же ты знаешь...

– Знаю. На самом деле произошло на удивление многое. Слишком многое за такой маленький срок. Я даже в некотором замешательстве. Мир словно с ума сошёл, после того как гномы вылезли из своих оплотов. Это произошло тридцать три года назад...

Палач рассказывал, а я слушал с открытым ртом. Фигурально. Оказывается, после моего погребения, Варгарон резко стал меняться. Гномы изобрели то, что вампир назвал «немагической силой», способной двигать предметы, освещать улицы, согревать и даже убивать. Долго думать не пришлось? Похоже, я въехал, о чем речь.

– Да ну на. Электричество?

– Эле... что? Нет, они называли это эфимой.

Охренеть. Варгарон менялся быстрее, чем я думал. И я не хочу верить в то, что я мог этому поспособствовать. Я кое-чего шарю в физике, и как-то рассказал об основах электротехники главному бригадиру. Гном слушал с разинутым ртом.

И вот теперь мне рассказывают, что карапузы изобрели электрический генератор? Да не, бред какой-то. Одно дело теория, другое дело додумать самостоятельно все тонкости. Неужели они гоняют под горой воду турбинами, пуская во все стороны высоковольтные линии и продавая дешевый источник немагической энергии? И это за пятьдесят лет? Да

ну... бред какой-то.

А потом я вспомнил, как развивались технологии на Земле. Стремительно, молниеносно. Двести лет назад воины еще бегали с палками и мечами. И тысячи лет ничего не менялось, а потом «бац» – технологическая революция. Самолеты и атомные бомбы, мегаполисы, бургеры из мяса, которые не мясо, самотыки на ЮСБ зарядке, телефоны. Новое поколение молодежи даже не успело ничего сообразить. Для них было нормой, что телефонные будки на улице стали домашними и проводным, а потом и вовсе превратились в миниатюрные компьютеры. Наверное, ничего удивительного, что Вargaron тоже созрел.

Хм, охренеть не встать. Я родился на Земле в пик бурного технологического развития. А потом попал в Вargaron. И все идет по тому же сценарию...

Палач рассказывал, как магические услуги темных эльфов конкурируют с технологиями гномов. Орками стали меньше манипулировать в политических целях, больше переключившись друг на друга. Люди держались нейтралитета и в равной степени пользовались, как магией, так и технологиями, не стесняясь подлизывать жопки всем расам. Сильные мира сего переключились друг на друга, чем самая слабая из высших рас и воспользовалась, укрепляя свои позиции на мировой арене.

Порох до сих пор пользуется большим спросом. Гномы стали изобретать вещи, способные противостоять боевым закляти-

ям. Одна только самоходная колесница с нейтрализаторами и пушками выкосила отряд ловчих при одной из стычек.

– Да ну на? Танк что ли?

– Откуда ты набрался этих слов, вамис?

– Придумал за пятьдесят лет.

Недолгая тишина.

– Ну-ну. Гномы назвали ее паровой самоходной колесницей или ПСК.

– А что с Серпом? Это поселение в нейтральных землях. Они живы? Или...

– Ничего об этом не знаю. Но за пятьдесят лет многое изменилось. Старые города пропадают, появляются новые, во всю пользуясь изобретениями гномов.

– А как анклав к этому относится?

– А что анклав? Вамис, мы выше всего этого. Как бы не шевелился Варгарон, анклав вампиров бессмертен. Мы просто наблюдаем. Как и всегда. А теперь ты ответь. Кто тебя обратил?

По голосу палача можно понять, что он теряет терпение. Если я начну юлить, он просто психанёт и оставит меня еще на пятьдесят лет.

Моя старческая мудрость не смогла анализировать, чем мне аукнется, если я расскажу ему про Итерну. Конечно, лучший подход – держать язык за зубами. Так точно ничего плохого не случится. Но сейчас мои знания – это валюта.

– Я расскажу. Ты можешь узнать про поселение в ней-

тральных землях? Оно рядом с гномьим оплотом, на севере.

– Хорошо. Расскажу в следующий раз.

Я не стал тянуть резину:

– Меня обратила Итерна.

– Ложь, – усмехнулся палач. – Имя ее хоть и не используется повсеместно, но широко известно многим. Кто угодно мог тебе рассказать. Я надеялся, что ты не будешь так откровенно врать.

– Тогда спроси меня то, что я не могу знать о ней.

– Издеваешься, да? Я, по-твоему, кто? Старший советник в матриархате? Я служу роду Азариус. Я страж северного зиккурата. Откуда мне знать о прародительнице, больше, чем дозволено? Даже если ты мне о ней расскажешь что-то – я не смогу понять ложь это или нет. Ты меня немного огорчил, вамис.

Такой реакции я и ожидал.

– У нее есть кнут. Умеет управлять временем. Седая челка. Любовь к детям. Надменная улыбка. Она из мира под названием Земля. Что из этого ты знаешь?

Тишина.

– Погорим через сто лет, вамис.

Тишина.

Видимо моих пятидесяти лет недостаточно, чтобы заинтриговать старых вампиров...

Тик...

Так...

Тик...

Так...

Бам!

Ну началось.

Долго, очень долго я тянул за соломинку под названием «Аша». В какой-то момент я ее почувствовал. Ощутил всей своей наркоманской натурой. Она стала со мной разговаривать. Редко. Кратко. Типа, «держись», «потерпи»...

Зашибись, чо. Нормалек советы. Потерплю, не переживай.

Когда крыша уже еле выдерживала, она прислала мне подарок. Или я сам до этого додумался – я уже не помню. Но появившийся у меня в мизинце (единственное, что я чувствовал в теле) сформированный пучок силы позволял изменить восприятие мира.

Я смог спать, не засыпая. Ощущение времени никуда не делось, но... я научился не думать и не чувствовать. Не жалеть о потерянном времени, не сходить с ума, не пытаться дотянуться мизинцем до члена с самыми веселыми помыслами...

Теперь я просто втыкал во тьму и ждал.

Сотня лет.

Можно долго философствовать о том, что такое пролежать в гробу целую сотню лет без всех чувств. Но я не буду. Скажу лишь, что это не ад, но и далеко не рай. В мозгах и

теле то и дело что-то меняется, но я ни о чем не жалел. Есть только я, время и глубочайшая пустота. Аминь.

Грустно в общем. Хотя нет. Мне срать.

Через сто возможных лет палач не пришел. Не заговорил со мной. И я не знаю, почему. И мне опять плевать. Подарок Аши я поставил на таймер «до востребования». Если что-то случится или со мной заговорят, я сразу же стану самим собой.

Но этого не происходило.

Я все еще был глухой и равнодушной тьмой.

Щелк.

Похоже один из предохранителей в голове слетел. Ну и срать...

Сто десять лет...

Подарок Аши работает странно. Если я не думаю, то что тогда я делаю сейчас?

Сто двадцать лет...

Если долго смотреть в бездну, то бездна начнет смотреть в тебя...

Сто тридцать лет...

Мудрость приходит с годами, только если она копится...

Сто сорок лет...

Возраст – не показатель ума и величия.

Сто пятьдесят лет...

Философская чушь – для мудаков. Эх, щас бы сыграть с Бомом в козюлеметание.

Сто шестьдесят лет...

Щелк.

Сто семьдесят лет...

Грэн Арелья...

Сто восемьдесят лет...

Ирэна? Почему я стал о ней думать? Я же не должен думать.

Сто девяносто лет...

Не надо было смотреть Интерстеллар. Слишком много мыслей.

Двести лет...

Если взмах крыла бабочки может изменить реальность, то как реальность может изменить бабочку? Может она станет без крыльев?

«Хватит нести дичь, осталось немного»

Двести семь лет...

А ты думаешь, что мне уже не срать?

Двести седьмой год проходил по-особенному. Несмотря на «замороженное» состояние, я не воспринимал этот год, как остальные. Я прислушивался к тишине и тьме, выжидая чего-то или кого-то. Если ничего не произойдет, то последний предохранитель сгорит безвозвратно. И что тогда произойдёт? Ничего особенного. Просто я стану овощем. Я знал об этом. Надежда и сиськи – единственное, что еще спасет меня.

Что-то произошло...

Неужели?..

Я точно слышу звуки. Сладостные звуки.

Я очнулся.

Наверное, я орал самым резанным сусликом на свете, когда мой саркофаг потянуло наверх. Мне было весело, страшно и даже больно. Или не орал. Я же не могу.

И вот я почувствовал что-то, кроме ничего. Услышал звук скрежета камня о камень.

И я услышал ее:

– Трайл, съешь.

Я что-то почувствовал. Не понимаю, что. Но я сделал, как она сказала. А потом со мной что-то делали. Я чувствовал и с трудом понимал. Все мои восприятия мира запутались, поэтому отличить жевание от поспраия не получилось.

А потом с большим трудом я понял, что меня рвут на куски. Что-то выдернули прямо из спины. А потом из глаз.

Кап...

Кап...

Кап...

Я почувствовал влагу? На меня чем-то брызгают? Чем-то капают?

Чувствую металлический запах. Хм, надо же. Как интересно. Бггг.

В рот тоже попала влага, и я смог вспомнить, как глотать и подумал, что тут бы получилась хорошая и зашкварная шут-

ка.

Кровь?

Кровь?!

КРОВЬ!!!

– Очнись, Трайл. Время.

Голос Аши...

Я заорал так, что затряслось все вокруг. Сверху сыпалась крошка, а камень подо мной завибрировал. Не знаю, как долго я кричал, но когда на мой рот легла чья-то мягкая ладошка, я замолк...

– Всё закончилось... Ик!

Тело зашипело, зачесалось. Иссохший организм оживал. Новый позвоночник наливался костным мозгом соединяя нервы в единую сеть.

Первым делом я сел и... открыл новые глаза. Нагнул голову, хрустнул шеей. Как же хорошо...

Рука меня не слушалась. Она ухватила за шею твари, что нарушила мой покой.

– АША!!!

Передо мной трепыхалась та, которую я когда-то знал Ашей. Она изменилась. Первое, что бросилось в глаза – величественные золотые крылья. Второе – платье?! Чертово платье. Аша была в платье из показа мод. Красном, шелковом, обтягивающим все сладкие формы. С глубоким декольте и вырезом на ножке. Я посмотрел ниже. Туфли? Чертовы туфли? Куда я попал? В модный клуб на планете Земля.

А лицо? Это ангельское личико в косметике? Нарощенные ресницы? Крашенные губы? Толстый слой пудры? У меня глюки?

Аша вцепилась мне в руку. Захрипела, не в силах оторвать мертвую хватку.

– Тррррайл... это... я...

Она задыхалась, а я не мог расцепить пальцы.

– Убью! Порву! Трахну и отдам на растерзание гоблинам? Кто? Аша, отвечай! Кто ты? Что происходит? ЧТО?!!

С потолка снова сыпалось. Где-то в глубине нутра я понимал, что вытворяю дичь, но не все клетки мозга еще восстановились. Приходится тупить.

– Я... объясню... отпусти...

Я вцепился в свое запястье второй рукой и с рыком отодрал себя от такой теплой и мягкой шеи бывшей королевы нимф. Так бы и впился в нее, прокусывая насквозь.

Задышав, как раскочегаренный паровоз, я отвернулся от Аши и осмотрелся. Все тот же зиккурат, но только... больше похожий на современный морг для депутатов. Вместо грубого камня белая мраморная плитка? А это еще что, асмодеева мать, такое? Люминесцентные лампы? Не факелы, не малярные светильники, а электрические лампы? Куда я попал?!

Аша наконец отдышалась, сказала:

– Это Варгарон, Трайл. Другой, иной. Будущий. Все изменилось. И изменилось неправильно. Это нужно исправить.

Я резко повернул голову, посмотрел в глаза Аше. Та от-

ступила на шаг.

– Как я выгляжу?

– Ну.

– Как?

– Нормально.

– Врешь.

– Не.

– Почему ты здесь? Где вампиры?

– Ушли. Более сотни зим назад. Забрали самых сильных. Таких, как ты, оставили, наложив охранные чары. Я не могла через них пройти. Никто не мог. До тех пор, пока чары не ослабли. Я первая смогла. Готовилась много зим.

– Что? Ушли? Почему? Зачем?

Так вот почему со мной не связался палач.

– Из-за изменений в мире. Магия уходит. А без нее вампиры слабеют. Они ушли... в другой мир. Здесь им делать больше нечего. Возможно, ты – последний. Кроме тех, кто еще погребен.

– Какого...

Злость. Кого мне теперь мучить и кому вспаривать кишки? Как мстить?

– Что с Серпом?

– Ну.

– Что?!

– Дрын тридцать лет держался. Не давал развалиться, сплотил даже эльфов и орков. Они наладили торговлю, за-

рабатывали наемничеством и... многим другим. Но потом случалась первая война. Гномы проводили испытания своего нового оружия. А Серп стал их тренировочной площадкой.

Аша сделала паузу, неуместно почмокала губами. Продолжила:

Непризнанное поселение уничтожили за несколько дней. Кто-то выжил, но орки не живут так долго. Дрын умер от старости сорок зим назад. Он, Бом, Гым и еще многие ждали тебя на развалинах Серпа. Но не дождались.

Я скрежетнул зубами. В груди начала разрастаться пустота. Я не думал, что еще могу что-то чувствовать. Я понимал, что скорей всего их нет в живых, но, чтобы так... бесславно...

Нет, так не должно было случиться. Херус два, если я с этим смирюсь! Не знаю, как, но я... что-то сделаю. Обычно это так и работает. Захотел – оно случилось. Дерьмо... Как же так-то...

– Что с остальными? Кая, Катя, Гурон, Эхзолл?.. Как они погибли?

Аша переступила с ноги на ногу.

– Они живы.

– Да как они могут быть живы?

Аша схватила меня за руку.

– Пойдем, Трайл. Пойдем. Здесь нельзя оставаться. Охранные чары еще действуют. Я все расскажу в маходе.

– Маходе?

– Да.

Я не стал спрашивать о происхождении странного слова.

– А ребенок? Твой.

Аша слегка улыбнулась:

– Наш. Давно родился. Я познакомлю вас. Вот, оденься.

Она кинула мне что-то непонятное и тканевое.

– Во имя всех сосков, что это?

– Ну.

– Аша?

– Сейчас так одеваются.

Пиджак! Сука, пиджак цвета оркской дристини, сожравшего старого гоблина. Да не просто, а весь в ажурчиках, рюшечках-говнюшечках. Тут даже стрелки на брючках.

Я переоделся и стал похож на вполне себе хипстера из фиг знает каких годов. Хер между ног обтянуло так, что я невольно поморщился. Парад гомосеков какой-то. Мать моя женщина, куда же я попал? Может обратно в гроб залезть и впасть в наркоманское безумие?

Аша вытащила из... дамской сумочки косметичку и стала натирать меня каким-то ужаснопахнущим тональником.

– Надо. Ты страшный. Испугаешь граждан.

– Граждан?

– Да.

– Аша, я прокрастинировал двести пятьдесят семь лет?

– Да.

– И я думал, что меня уже ничего не напугает, но то, что

ты говоришь, это...

– Пипикварно.

Я моргнул:

– Пипи... что?

– Пипикварно. Значит страшно или неловко. Так сейчас говорит молодое поколение эльфов.

– Э-э-э... точно. Похоже мне пипикварно.

Аша долго возилась с моим лицом, но наконец отошла, любуясь своим творением:

– Ну-у-у... – протянула она.

– Зеркало дай.

Аша пожала плечами, вынула из сумочки маленькое дамское зеркальце. Я оценил свой лик.

– Едри меня семеро бордулят...

– Ага.

– Почему я такой урод? Твою ж... Я высох и стал яйцом мумифицированного гнома. А что с глазами? Волосы седые. Оу... а почему зубов только половина?

– Рот не открывай. Чтобы не увидели.

– Глаза тоже закрыть?

– Да.

Аша секунду задумалась и изменила свое мнение:

– Нет. Смотри. Но вниз.

Тем не менее я смотрел на Ашу. Очень серьезно.

– Ты же понимаешь, что я не могу тут остаться? Я не могу принять, что все просрано. Мне хватило Ньерта. Я... должен

вернуться. Не знаю, как, но должен. Я вроде как попаду в прошлое. Так вот, сейчас самое время это сделать, Аша. Ты меня понимаешь, Аша? Я не смирюсь. Просто не смогу и не хочу. И выдрать меня в жопу гномьим изобретением, если я просто так все это оставляю.

Аша кивнула:

– Да. Именно поэтому пойдем быстрее. Ну.

Я потер виски.

– Куда мы едем? Где остальные? Как они выжили?

– Хранитель подземелий погрузил их в вечный сон. Их нужно разбудить.

– Нахрена погрузил? Почему? Причем тут Доган?

– Звезды нашептали мне. Я просто поняла, что так надо.

И делала. Поверь. Он встретится с тобой. Мы едем к нему. Спросишь сам.

Я шел за Ашей. И надеялся, что за дверью «морга» окажутся замковые залы, как и положено вампирскому замку, но там были только коридоры мерзкого бирюзового цвета. Как в поликлинике советских времен.

Аша заметила мое удивление:

– Мы в музее древних вампиров. Оглянись.

Я так и сделал. И охерел... Дверь, из которой мы вышли пропала.

– Я первая, кто смог туда попасть. Много лет копила силы. Готова была драться, но стражей не оказалось.

– В платье? В нем бы дралась?

– Нельзя выделяться. Это не тот Варгарон. Другой.

– Я вижу. И не скажу, что мне это нравится. Нужно... это нужно изменить.

Не знаю, зачем я это сказал, но я пробыл в этом мире достаточно долго, чтобы понять – магия может очень многое.

Мы прошли коридор, вышли в безлюдный зал с восковыми монументами вампиров и витринами с пыточными инструментами, осколками ваз, костей, каких-то плит и древними, как носки Бома, книгами.

– И это... музей?

– Да. Все что осталось после вампиров.

Я завертел головой. Посетителей нет. Горит дежурный свет больших люстр. Заметил вполне привычные лампочки накаливания и тянущуюся паутину из проводов. Охереть не встать!

Аша провела меня через закоулки между витринами, и мы вышли через запасной выход. Там так и было написано! Запасной выход!

Вышли и...

Я чуть не сел. Никаких гор! Никаких, мать его, огненных гор, где располагался анклав вампиров. Я в городе! Да не в простом, а...

– Аша, это что, город? Обычный? Нормальный? Какого...

– Ну да.

Ну да. Ну да?! Я попал в фэнтезийную ночную Москву.

Бульвары, скверы, парки и... дороги с какими-то педальными конями на воздушной тяге, бибикающие друг другу мерзкими «буээээ». Шум с современного города ударил по ушам. Запах выхлопных газов и тухляка залез в нос.

Я не знал куда смотреть. Глаза разбегались. Темно. Повсюду многоэтажные вышки в стиле «я тут самая высокая башня темного властелина». Острые шпили, брутальная каменная кладка с письменами на на эльфийско-китайском языке.

Изюминкой на торте стали шныряющие крысы и дерущиеся кизрумы за шмат дристини из Фэнтэзидональдса. По переулкам бродили редкие фигуры орков в рубахах, джинсах и даже...

– Аша, это кто? Гоблин?

Педераст был одет как сутенер. Весь в золоте и мехах.

– А? Ну да. Одна из высших рас. В сто тридцать первом году новой эпохи они признаны угнетенными и теперь живут на «блага раскаянья». Не смотри ему в глаза, он может обвинить тебя в сексуальном домогательстве. Потом будешь работать на него десяток лет, подтирать задницу. О, и знаешь, что, Трайл. Я думаю, это из-за тебя.

– Чего? Я-то тут при чем.

– После того, как ты пропал. Ну. О тебе многие говорили. Кто-то посчитал тебя пророком. Кто-то вестником. Мне кажется, твои идеи многим понравились. Тебя забыли довольно быстро, но то, что ты принес в Варгарон... оно осталось.

– Да ну... на...

– О тебе многие говорили.

– Но ведь я о другом говорил. Как можно так исковеркать слова?

А потом я вспомнил святыя писания из религий Земли и как его трактуют верующие, отрезая головы неверным. Упс. Похоже, я напортачил. Умер раньше времени. Точнее, пропал.

Аша пожала плечами, и мы молча прошли мимо гоблина. Я шел в крайней подавленном настроении. Хотя, казалось, куда уж хуже. Она что, пошутила? Аша заметила мою реакцию, продолжила:

– Сейчас у каждого гоблина есть свой слуга, отвечающий за их заднюю часть.

– Бред. Чушь. Аша, ты гонишь. Такого быть не может. Это круто, даже для Земли.

– Поначалу граждане возмущались, но малая часть более активного населения добилась привилегий для гоблинов. За десятилетия это разрослось. Сейчас гоблины и гномы управляют практически всеми трудовыми гильдиями Варгарона. Ик...

– А... а... матки? Матки гоблинов? Они же рождаются из кусков ужаса и страданий. Что у вас с этим?

– Мы платим налог на гоблинскую рождаемость. Их выращивают из преступников и добровольцев. Особенно популярны матки из эльфийских девственниц. Но это только для

самых высших гоблинов.

– Нет, я здесь не останусь... Аша, это звездец какой-то. А орки?

– Дешевая рабочая сила. Все, что ты видишь, было построено орками под руководством старших гномов. Орки слишком глупые. Они часто гибнут при работе. Но их много.

– А гоблины значит разумны? Да они тупые, как... как... хер Йолопуки.

– Они угнетенные. Говорят, это важнее.

– Чем, блин?!

– Их убивали тысячи лет. Не считались с их чувствами и естественными потребностями. О, пришли...

Я смотрел на припаркованную «машину». Очень странную. На трех колесах то ли из резины, то ли орочьего дерьма. Обшивка точно из дерева, но оплетена металлом и изрисована светящимися рунами. Две круглые двери. Размером тачка с дамский мини-кар – купер или оку.

– Это что, машина?

– Не. Маход.

– Какой еще ход? Как это дерьмо на колесах работает?

– Магия и гномья заправочная смесь. Не разбираюсь.

Мы сели в ужасную колесницу ада. Мягко – как в кресло провалился. Я сел на пассажирское место, Аша – на водительское. Вместо руля что-то вроде оленьих рогов. Педалей нет. Моя водила сунула пальчик в дырку, которую я принял за прикуриватель и все засветилось, затряслось. Со звуком

«бугагага», маход завелся.

Мы поехали. Я с открытым ртом и глазами смотрел в окно, забыв даже про вопросы, которых за сотни лет накопилось очень много. Но я до сих пор не могу прийти в себя. Вот только что лежал в саркофаге, а теперь попал в совершенно футуристический город, где в гармонии все – киберпанк, технологии и фэнтези.

На обочине заметил пять девушек неземной красоты с длинными ушами. Все в легких платишках, чуть ли не прозрачных. Я даже сосочки разглядел. Ноги длиннющие, талию можно обхватить орочьей ладонью. Светлые эльфийки – воплощение всех мужских сексуальных фантазий.

– Аша, это кто? Шлюхи?

– Ну. Платишь, они тебя радуют. Хочешь?

– Хочу.

– Не.

– А зачем тогда предложила?!

– Ну.

Пауза. Только звуки капающей изо рта слюны. Еще бы. Откровения за откровениями.

– Тебе сколько лет?

– Наверное, двести семьдесят девять. Или восемь. Перестала считать.

– А люди что? Они гоблинам сосут?

– Не. Эльфийки сосут.

У-у-у-у. То есть вот эти красотки тратят себя на то, чтобы

порадовать мелкие пипирки тупорылых карликов, на которых без слез не посмотришь?

– Так что люди? У них что со статусом?

– Средние. Во всем. Могут стоять с эльфийками, но бывают и гоблинские партнеры. Правда, младшие. Ну и...

– И?..

– Наверное, тоже сосут, – Аша отвернулась от дороги и посмотрела на меня. – Откуда ты знаешь, что это любимое гоблинское дело?

Я не ответил. Но спросил другое:

– И почему же ты веришь этому Догану?

– Ну. Чувствую.

– Зашибись аргумент. Ладно, вези, посмотрим, что он скажет. Черт, я могу спать... меня клонит ко сну... О, да... Аша, я спа...

И погрузился в сон. Настоящий, живой. В нем я трахал пятерых эльфиек прямо на дороге. Но это совсем другая история.

Не знаю, сколько прошло времени, но Аша похоже долго меня будила:

– Трайл. Трайл. Трайл. Трайл...

И трясла меня за плечи.

– А? что?

– Приехали.

Аша жила в квартире. Ну или это мой мозг пытался адаптироваться под суровую реальность и искал аналогии. Мы

зашли в высокий чертог сатаны. Консьержка-суккуб с рожками от которой у меня зашевелился член, весело помахала Аше из окошка в подъезде.

Пока мы шли, решил спросить:

– Аша, а ты кем работаешь?

– Я? Работать? Не.

– А на что живешь?

– Ну. Ворую. Очень выгодно.

Я с облегчением вздохнул. Слава небу, общество не успело ее испортить.

Мы прошли странную прихожую, где мусорные урны плохо сочетались со статуями горгулий, дошли до одной из дверей с ручкой-кольцом, за ней оказалась лестница вниз.

– Ты там живешь?

– Ага. Поглубже.

– Зачем?

– Там территория хранителя. Выше он не может.

Мы шли довольно долго. Похоже, что фэнтезиный город находится не только сверху, но и внизу. Удобно. Жалко лифта нет.

«Подземная квартира Аши» была похожа на обиталище Ядовитого Плюща из «Бэтмена». Каменные сюрреалистические монументы какой-то наркомании обвиты лианами и яркими цветами. Повсюду грядки с грибами и непонятной травкой. Все это ужасно неправильно контрастировало с обоями в горошек и люстрой, горящей розовым. Ага, самая

обыкновенная двушка.

– Приветствую, – с порога послышался отдаленно знакомый голос. – А вот и великий разрушитель моего Ньерта. Как провел время? Успел подумать над содеянным?

Слащавый голос бесил. Полноватый лысоватый мужчина предо мной выглядел так же, как и сотни лет назад. Даже одежда не изменилась. И не скажешь, что перед тобой чуть ли не полубог. Он продолжил:

– Надеюсь, больше никаких неожиданностей? Не нападай на меня, ладно?

Я был спокоен, как удав, оглядел квартирку и сел на... пенек. Ага, обычный пенёк, на котором росли опята.

– Время объяснений?

– Видимо. Аша, дорогая, спасибо.

– Ага.

– Пойдешь или останешься с нами?

– Ну. Останусь.

– Переживаешь?

– Не.

– Я так и думал. Трайл, ты попал сюда, потому что через три дня должен попасть в прошлое. Это время не для тебя.

Ни единый мускул не дрогнул на моем лице. Надо же. Оказывается, я очень хорошо научился контролировать свое тело. Не так я рассчитывал попасть в прошлое. Но радует, что тут я не останусь. И изменю цикл. Во что бы то ни стало. А брошенный Серп не дает мне покоя.

– Понимаешь ли, меня попросили отправить тебя назад, в прошлое. Кто – не скажу. Таков был договор. Но есть маленькая сложность. Невозможно взять и отправить в конкретное прошлое. Потоки времени текут в одну сторону и параллельно друг другу. Для того, чтобы отправиться на тысячу лет назад, нужно дождаться определенного времени. Иначе ты попадешь не туда, куда хочешь. Так что я просто ждал подходящего момента. А уж ты сам умудрился дожить до этого дня. Правда это получилось не очень приятно, но ты же сам полез к вампирам. И можешь сказать мне спасибо, это я подсказал Аше, как можно тебе помочь.

– Спасибо. И очень интересно, – скрестил я руки. – Осталось только спросить моего мнения, хочу ли я быть путешественником во времени?

Бессмысленная предьява, но нужно было немного поартачиться.

– Не носи ерунды. Ты прекрасно знал, что ты вернёшься в прошлое. И ты не можешь этому сопротивляться. Никто не может. Циклы не изменить.

– Вероятно. Но я думал, что это будет попроще. Развернется земля, и я упаду куда-то вниз. Как было с Ирэной.

Доган спокойно улыбнулся:

– Я просто выбросил ее в хаотичный поток. Она могла попасть куда-угодно.

Он отряхнул пиджачок, убрал с себя волос. Это не Ашин, случайно?

– Через три дня я вернусь, и мы начнем. Именно тогда будет самое благополучное время для переноса в прошлое. Твои друзья отправятся с тобой. Аша знает, где они. Можешь их разбудить. Эти оставшиеся дни ведите себя предельно хорошо.

Значит у меня есть три дня подумать, порасспрашивать Ашу и разведать окружающий мир, чтобы решить – стоит ли мне плясать под чужую дудку? Ну хорошо.

– Безусловно, уважаемый хранитель. Ты же меня знаешь. Я улыбнулся. Ох, как же давно я не улыбался этой улыбкой.

– Именно, что знаю. Считаю, что я предупредил. И последнее. Я надеюсь твой разум достаточно окреп за сотни лет, чтобы переварить то, что я сейчас скажу...

И улыбнулся мне в ответ не менее отвратным оскалом.

Глава 4. Воспитание строптивой дочурки

Я сидел на пенке и смотрел в глаза одному из самых могущественных перцев Варгарона. Неужели он думает, что сможет меня чем-то удивить? Меня? Двухсотвосмидесятишестилетнего мудреца.

«Ты на год ошибся».

Я проигнорировал Шизу, посчитавшую себя умнее меня. Доган выдержал томительную паузу и заговорил:

– Так уж получилось, что я знаю о том, кем ты станешь больше тебя самого. И я знаю, что жить ты будешь ради одной цели – изменить все вокруг. Но ты отказываешься верить в то, что реальность существует в одном виде. Нарушив цикл, ты не изменишь, а создашь новую реальность. Ты просто перейдешь из одного состояния в другое, но то, что было сделано в одном пласту времени никогда не изменить. То, что погибло – погибло навсегда. То, что разрушено, разрушено навсегда. И вернувшись в прошлое, ты начнешь с чистого листа, не понимая, что вокруг не те друзья, которые уже погибли.

Я закусил губу. Не, я, конечно, умный, все дела, но сейчас я что-то не догоняю. Мне уже надо начинать плакать и рвать

волосы на голове? Я посмотрел на Ашу, а надежде, что она мне подскажет.

Но нимфа в красном платье только улыбалась до ушей.

– Аша, ты это... ну... все поняла?

– Да.

– Переведешь на оркский?

– Путешествие во времени – это путешествие из одной вселенной в другую. Как спираль.

– Вагинальная?

– А?

– Да я о своем.

Доган вздохнул.

– Похоже я переоценил тебя. Ты еще не понимаешь.

Ну-ну. Продолжай считать меня окорочком. Разговоры на твоём языке мне ничего не дадут. На самом деле я действительно напрягся, вспоминая фильмы о попаданцах в прошлое. Вот пример: я Шварценеггер у которого погибла семья. Я решил попасть в прошлое и исправить ситуацию. Прохожу мимо своего дома в прошлом и в окне вижу самого себя со своей семьей. Вопрос: это моя семья или его? Могу я убить самого себя в прошлом и занять место рядом с этой семьей? Не будет ли у меня потом... сомнений, что произошло что-то неправильное и это семья вовсе не моя и я ее обманываю? И похоже об этом-то сейчас и речь. Как только я это сделаю, то перейду в другое состояние. Не мое, а его. Короче, хер с ним...

Я серьезно посмотрел на Догана и...

... сложив губы гармошкой, указательным пальцем сделал «бр-бр-бр».

Доган смотрел на меня без эмоций, молча развернулся и, не попрощавшись, вышел за дверь.

Мы с Ашей остались одни. Она тоже вытянула губы и пыталась повторить мой трюк.

– Аша, ты чего делаешь?

– Тренируюсь. Вдруг пригодится.

– Тебе сколько лет?

– Вот именно.

Что-то я начинаю теряться. Вокруг меня творится какая-то дичь или проблема во мне?

«Вокруг все дебилы, ты единственный адекватный» – троллила меня Шиза.

– Аша, время вопросиков.

– Не. То есть да.

– Я не знаю чего-то, что знаю все вокруг?

– Полно такого.

– Почему Доган в это влазит?

– Он хороший.

– Нет, Аша, он не хороший. Он преследует какие-то свои цели.

– Он преследователь.

– Именно, Аша! Зачем ему все это? Запечатывать всех, возвращать нас в прошлое?

– Я спрашивала. Не говорит.

– И тебе не кажется это подозрительным?

– Ну. Да. Кажется.

– Тогда может не будем плясать по его дудку?

– А как ты вернешься в прошлое?

– Хороший вопрос. И в смысле «ты»? А ты со мной не отправишься?

– Не.

– Почему?

Аша задумалась.

– Хочешь познакомиться с дочерью?

Я немного впал в прострацию.

– Красивая? – спросил я, не успев сообразить ничего другого.

– Да.

Тишина.

«Папаша, хе-хе... Так, стоп. Ты только что подумал об ЭТОМ?»

«Думаешь, это инцест?»

«Я уверена! Ты спятил?»

«Вообще-то, я черное ничто, вселяющееся в любые тела. Формально, я ей не отец»

«И что, ты ее трахнуть хочешь? Не зная имени и ни разу не видев?»

«Конечно, хочу. Чем пошлее, тем больше хочется. Запретный плод, все дела»

«От тебя все отвернутся. Это аморально, отвратительно, противоестественно»

«Интересно, она любит в попку...»

«Я тебя не знаю...»

«А еще лучше сделать это втроем. Вместе с Ашей»

звук умирающей в конвульсиях Шизы

– Хочу, – кивнул я. – Давай познакомимся. Слушай, Аша, а если мы...

– А?

– Наверное, слишком рано...

– Что?

– Ну... это...

– А?

– Как ее зовут?

– Элизиума. Я ей много о тебе рассказывала. Она скоро придет. Подождешь? Потом сходим погуляем.

– Семейная прогулка по городу? – смутился я.

– Да.

– Слушай, я ведь так себе отец. Всю ее жизнь просидел в гробу.

– Ты же не виноват...

Ага, точно. Меня к вампирам лезть заставило чувство собственного величия. Дай человеку рыбу, он будет сыт, а дай силу, он станет самоуверенным оленем, лезущим на рожон.

– Слушай, а как я выгляжу? Совсем все плохо?

– Получше. Но Реордан был красивее.

– Да ладно тебе, этот тоже ничего.

– Не.

Пока я расспрашивал Ашу о том и сем прошло несколько часов. В процессе она выдавила из себя в бокал крови и протянула мне.

– Аша. Я не пью из всяких стаканов.

– А. Точно.

Входная дверь открылась, и я заерзал на месте. Никакая вековая мудрость не спасет от переживаний при первом воссоединении с собственным ребенком. Или не собственным, если думать другой головой.

На пороге стояла ОНА.

Я еле сдержал расслабившуюся челюсть.

Нимфы по природе своей красивые. Королева Нимф выделялась красотой даже среди них. А вот дочь высшего вампира-эльфа и Королевы Нимф – это... нечто.

Передо мной стояла очень высокая, чуть выше меня, валькирия с золотой кожей. Огромные зеленые глаза пронизывали насквозь. Мраморную кожу будто сто лет протирали маслами и вытачивали наждачной бумагой до идеального золотистого цвета и формы. Уши не такие длинные, как у эльфов, и больше растопырены в стороны, чем вверх. Осанке позавидует богиня красоты, длине ног – цапля, а губам лучший пластический хирург. Голубые волосы растекались водопадом до самой попы, про которую годами можно слагать диффи-

рамбы. Никто никогда меня не сможет убедить, что эти бедра созданы для чего-то, кроме как любования на них. Грудь дышала идеальным третьим размером. Все это обтягивало черное платье без единой складки. Каждое ее движение было грацией и величием, что невозможно сломать мужской похотью. Она плыла, а не ходила. Последним штрихом идеальной красоты оказались крылья ангела за спиной богини. Не золотые, но белоснежные, отдающие легким магическим светом.

– Доброй ночи, гость, – гордо кивнула Элизиума. – Мама, ты нас познакомишь или мне зайти чуть позже?

– Не, Эл. Останься.

– Да, мама.

Походкой, от которой невозможно оторваться, девушка подошла к пенечку и села. Идеальная осанка. Она закинула ножку на ножку, и я лишь краем глаза заметил прекрасное содержание самого запретного. Кружевные трусики золотого цвета.

– Прости за прямоту, гость, но ты выглядишь... устало. Мама, может гостю нужна особая помощь?

– Эл, это папа, – улыбнулась Аша. – Возможно, последний вампир в Варгароне.

Ни один мускул не дернулся на лице валькирии. Она величественно посмотрела мне в глаза и молча сканировала мне душу.

– Ты – мой отец? Ты – Трайл?

Я не сломался под напором величественности.

– Так говорит твоя мать. Извини, у меня не было возможности познакомиться с тобой раньше.

Элизиума перекинула ножку на ножку. С большим трудом я сдержался, чтобы не опустить глаза. Отец, заглядывающий дочери между ног – это зашквар.

– Тебя никто не осуждает, отец. Я знаю твою историю и уже давно сделала выводы.

Аша зашевелилось. Я чувствовал, как она переживает. Наверное, это первый раз, когда я вообще чувствую что-то подобное от Аши. Она не из тех, кто часто эмоционалирует.

– Эл, – осторожно сказала она.

– Не стоит, мама. Я больше двухсотлет ждала этого дня. Неужели ты откажешь дочь выговориться?

Я напрягся:

– Хочешь мне высказать обиды? Правда?

– Нет, что ты, отец. Я не в том возрасте, чтобы обижаться на отцов и матерей. Мне двести пятьдесят семь зим, и я успела наобижаться на много жизней вперед. Но ты же не против, если я не буду подбирать слова?

– Отнюдь. Я за прямолинейность.

– Это просто замечательно, – сухо сказала Элизиума. – Рада, что мы понимаем друг друга. С твоего позволения, я начну. Отец, почему ты ушел от мамы, когда она была беременной и нуждалась в помощи? Нельзя было дождаться меня, а потом уже идти ввязываться в такие опасные авантюры?

Не пойми меня неправильно, сейчас я многое понимаю, но не могу не задать этот вопрос. Очень давно, но очень долго он меня тревожил.

Так-с. Сопли. Справедливые, конечно, сопли. Но все же это они. Женские обиды и сценарий любовного романа. А с другой стороны...

– Твоя мама была очень сильной. А я был уверен, что справлюсь. Ошибся.

Эл молча на меня посмотрела, подцепила целый сноп голубых волос и стала заплетать себе косичку.

– Ошибся? Да... мы все делаем ошибки.

Я почувствовала от валькирии разочарование. И мне это не понравилось. Словно что-то вонючее пробралось в душу.

– Не такой ответ ты ожидала?

Она пристально посмотрела мне в глаза.

– Да, отец. Не такой. Не надо уточнять. Ты ответил. Скажи вот еще что. Считаешь ли ты родственные узы чем-то важным? Или для тебя – это мимолетная вспышка, не стоящая внимания?

Я посмотрел на Ашу в безмолвном «ну и девка...». Она только улыбнулась и слегка пожала плечами. Мол, сам заделал, теперь трахайся.

Я решил ответить серьезно для разнообразия:

– Хорошо. Хочешь откровенно? Я не хочу с этим связываться, потому что погряз в таком дерьме, дорогая моя дочка, что ты даже себе не представляешь. И наличие у меня на-

столько важного, может сильно меня подкосить. Если у меня гибнет орк, с которым я не успел познакомиться, то мне уже может быть хреново. Даже кошмары снятся. Как ты думаешь, если я себе заведу жену и детей, смогу ли идти вперед?

– Понимаю. Ты хочешь жить ради себя, отец. Жизнь ради близких – для обычных. Но ты всегда был необычным.

Блин...

Ну что за хрень...

Элизиума отбросила заплетенную косу в сторону, разгладила у себя на бедре маленькую складку.

– Что ты собираешься делать сейчас, отец? Останешься с нами? Мы жили без тебя сотни лет и еще столько же проживем. Не считаешь ли ты себя обузой для нас? Мы – обычные. Живем в обычном мире. Твое присутствие – угроза для нас.

– Элиза, – поморщилась Аша.

– Мама, ты слишком безразличная к таким вещам. Пожалуйста, хватит летать в звездах. Он – наша смерть.

– Просто живи.

– Нет, я не могу, как ты, мама. На самом деле, как ты – вообще никто не может. Я веками не встречала таких, мама. Ты – особенная. А я такой быть не хочу. У меня своя жизнь. И присутствие отца может все сломать. Ты хочешь такой судьбы своей дочери, мама?

Аша не ответила и отвернулась, разглядывая стену.

Только сейчас я понял, как многое пропустил и как мир изменился. И... мне это не нравится. Грусть резко сменилась

злостью. Если она и правда моя дочь, то мне ее жаль. Сотни лет в этом мире сделали ее... слабой.

Я резко встал.

– Дочь, хватит!

Валькирия тоже встала. Да так быстро, что даже мой вампирский глаз еле уследил. Аша изменилась в лице, подошла ближе.

– Трайл, она... такая же, как ты.

– Мама, нет! – повысила голос Элизиума. – Не сравнивай меня с чужаком.

– Он твой отец. И он пролежал в гробу больше двух веков. Живым. Я чувствовала его каждый день.

Эмоциональность Аши поднялась на новый уровень. Элизиума пронзила меня зелеными глазами:

– Хочешь сказать свои знаменитые речи? Я знаю, что ты умеешь. Ты манипулируешь сознанием. Заставляешь чувствовать то, что хочешь. Со мной это не пройдет, отец. К сожалению, я твоя дочь. И я тоже что-то умею.

Я еле успел сообразить, что происходит. Ментальное щупальце черного цвета вырвалось из груди Элизиумы и устремилось ко мне. Лишь на миг, но я почувствовал боль, ненависть, утрату. Но выпустив свою энергию, вырвал паразита из своих мозгов. Хотел было ответить взаимностью, но опомнился, запихивая свои щупальца обратно в себя.

Валькирия пошатнулась., поморщилась.

– Силен. Значит мама не преувеличивала. И что теперь

сделаешь? Заставишь меня поверить в тебя? Так же, как ты делал это со всеми своими слугами? Приручишь меня, как рабыню?

И отшлепаю, как непослушную дочь! Слава Асмодею, я сдержался и вслух этого не сказал. Ее можно понять. Но я не последний алкаш, избивающий детей. Я даже никого не бросал, а просто попал в дерьмовую ситуацию. Оправдываться я не собираюсь.

– Я не собирался этого делать. Мне достаточно слов.

– Самоуверенно, отец. Как мама и говорила, ты о себе слишком большого мнения. Считаешь себя богом.

Злость.

– Точно. Я считаю себя богом. И плевать сколько раз я проиграю, тебе ясно, дочка? Плевать сколько лет меня продержат взаперти и сколько конечностей оторвут. Мне срать на то, что мне вырвали позвоночник и выкололи глаза. Мне до глубины души насрать на гоблинов-сутенеров и сколько лет ты прожила, проклиная засранца папочку. Но тебе не повезло, Элизиума, что мне не плевать на тебя и Ашу. И я буду решать, как вам прожить оставшуюся бесконечную жизнь. Аша! – я ткнул пальцем в ошарашенную нимфу. – Ты пошла за мной. Я не заставлял. Ты поменялась телами с нимфой, зная, что я кончил в нее. Это был твой выбор. А ты, – подошел ближе к надменной валькирии. – Не можешь выбирать родителей. Но можешь выбрать обижаться на них или брать с них пример. Я создал историю. Я создал твой мир, таким

какой он есть сейчас. Ты живешь в мире, созданном по моим идеям, которые изуродовали и исковеркали. И теперь говоришь мне о правильном и неправильном? Не зазнавайся, девочка. Я старше тебя, и моя жизнь была куда страшнее. Я жил в аду с самим собой и очень многое успел понять. Мало кто может похвастаться таким проклятым жизненным опытом, как у меня. И я меньше, чем за полгода изменил целые эпохи. Сядь, девочка! Сядь и слушай, что говорит тебе отец, которого ты знаешь всего ничего! Да, я бог! И мне срать, кто что думает про самооценку! Потому что я выбираю реальность, и она вертится вокруг меня, а не я вокруг нее! Я – ТРАЙЛ, ПЕРВЫЙ ИМЕНИ СВОЕГО! Я – БОГ!

Последние слова эхом разнеслись по всей квартире. Монументы задрожали, бокал с кровью упал со стола и разбился. Багровая лужа растеклась по полу.

Ну вот, такое ее лицо мне нравится больше. Глаза стали еще больше, рот приоткрыт, кулачки сжаты.

Аша, подошла ближе и взяла меня за руку.

– Трайл, она к такому не готова. Никто не готов. Она боится.

– Я... – запнулась Элизиума, и с трудом вздохнув, продолжила: – Я не боюсь, мама. Хватит... Я... просто не думала, что он такой. Как ты и говорила.

Элизиума села, погрузилась в себя. Мы с Ашей стояли и смотрели на нее в каком-то непонятном ожидании. О чем она думает? Что папа псих? Или?..

Она так ничего и не сказала, поэтому я спокойно сел на пенек, спросил:

– Кем ты работаешь?

– Советницей младшего распределителя блоггов ущемленных. В центре по борьбе с дискредитацией.

– Советницей гоблина?

– Да.

– Аша, ты же помнишь, что гоблины занесены в Книгу Мести? – хмыкнул я. – Эти твари – дикие, тупые, безжалостные. Я был ими. Я был в матке гоблина. Их инстинкты – воплощения зла.

– Знаю. Таков сейчас мир, Трайл.

В дверь стали ломиться.

– Кто шумети-и-и, жалки-и-и нимфи-и-и? Открой-и-и! Штрафи-и-и! Будете платити-и-и! По всякому-у-у!

В глазах Аши тревога, Элизиума окаменела и даже не дышала.

Какой-то гoblin напряг мою апатичную Ашу, Королеву Нимф и могущественную валькирию – дочь высшего вампира.

Гoblin?!

Злость.

Я уверенно зашагал к двери.

– Ик... Трайл?

– Да-да. Ты все правильно поняла.

– Ох.

– Мама? Что он сделает? Мама, ответь!

Со злости я вырвал дверь с корнем. Чертыхнулся, поставил ее у стенки. На пороге стоял очумевший зеленый карапуз в шортиках и с золотой цепью на голое тельце и с татуировкой эльфийки в короне, отсасывающей по кругу сразу у пятерых гоблинов.

– Ти-и-и кто такой-и-и-и? Двери-и-и ломати-и-и? Ашка? Будешь со...

Я схватил гоблина за ухо и с силой дернул, зашвыривая в квартиру.

– Отец, нет!

– Да как ты смеи-и-и...

Я пнул между гоблинскими ножками.

– ...и-и-и-и-и-и! – улетел мелкий ублюдок и впечатался в противоположную стену.

Гоблин схватился за свои бубенца и завыл, закатив глаза и пуская тягучие слюни себе на живот.

Я оскалился:

– Ты будешь первым, стручок, возомнивший себя властелином.

– ...и-и-и-и-и!

– Я вырву тебе вонючие потроха, обмотаю вокруг шеи и подвешу на самом высоком шпиле центра по борьбе с дискредитацией. Ты... жалкая пипирка, посмел разговаривать так с гражданской женой и дочерью бога? Ты? Гоблин?! С королевой нимф?! С дочерью самого Алукарда?!

Злость разрывала мне жилы. Я не слышал, что мне кричат Аша и Элизиума.

Одним движением я оказался рядом с гоблином. Воздух засвистел. Моя ладонь распорола дряхлое пузо ничтожного существа. Во все стороны брызнула черная кровь и говно.

– Я покажу вам ваше место... высшая раса...

И засмеялся вместе с гоблинским визгом. Громко, безудержно, не сдерживая себя.

Как же хорошо...

Глава 5. Геноцидист

Гоблин визжал и брызгал слюной, копошась ручонками в собственных потрохах. А я смотрел на это и смеялся.

– Визжи, червяк, визжи! Громче! Пусть все услышат! Громче, я сказал!

Я наступил на кровоточащий кусок мяса, проталкивая внутрь свои кожаные сапоги брендовой марки.

– Умоляй! Умоляй о быстрой смерти, ничтожество! Аша!

Я обернулся. Побелевшая Элизиума смотрела на гоблина глазами, наполненными ужасом и... чем-то еще. На лице Аши странное выражение. Словно она что-то забыла. Что-то важное, значимое, особенное. В глубине ее души что-то просыпалось. Воскресало. Она пялилась на меня взглядом, в котором невозможно что-то прочесть обычному смертному.

– А... а?

– Подойди.

Королева нимф послушалась.

– Смотри, – ткнул я пальцем в дерьмо. – Что ты видишь? Высшую расу?

Недолгая пауза.

– Не.

– М... ама...

– Тогда что ты видишь?

– Гоблина.

Я наступил сильнее. Из глаз и ушей червя потекла кровь, и он перестал визжать. Только забулькал.

– Да, Аша. Ты видишь перед собой гоблина. Ничтожную пададь. Ошибку некроморфов прошлого. Таракана, которого противно давить голыми руками. Юркового, шустрого, голодного паразита, не заслуживающего существования. Когда я был в матке, то почувствовал тех, кто сотнями лет порождал эту гниль. Вместе с силой они подарили мне ненависть. И возможно сейчас во мне говорят именно они. Матери, девушки, эльфийки, гномихи, страдающие века... эпохи. Ты!!!

Я гаркнул так, что гоблин булькнул особенно отвратно.

Элизиума не дернулась, посмотрела мне в глаза.

– Моя дочь работает на гоблинов? Собирает с эльфов дань на новых маток? И с гордостью заявляет об этом? Ты! Дочь творца и всевидящей древних кентавров. Ты! Кто ты такая, ответь?!

Меня никогда не разрывала такая злость. Белая, холодная. Я и не знал, что можно так злиться. Голоса и злоба тех, кто ненавидит гоблинов до кипения крови, проснулись в моей голове.

Элизиума посмотрела мне в глаза, перевела взгляд на гоблина, до крови закусил губу и отвернулась. Я почувствовал ее злость.

– Очнись! Очнись и пой, Элиза! Пой, я сказал! Папа явил-

ся все изменить! Ах-ха-ха!

Эхо моего голоса разнеслось по всей цитадели зла. Хотя... зла ли? Тараканьему логову...

Я рассмеялся и провернул ногу в кишках. Гоблин пискнул последний раз.

Мы молча смотрели на булькающий кусок мяса. Аша вздохнула, посмотрела на Элизиуму:

– Ну... как-то так.

Валькирия не могла выйти из своего специфического шока. Она открыла рот, закрыла. Проморгалась, села на пенек, как после десяти лет в трудовой каторге.

– Нам конец... конец... же? Да, мам?

– Ну. Может да. Может не.

– Не может быть «не», мам. Нашей жизни конец. Мы убили гоблина.

Я не обращал внимания на нытье. Огляделся, молча подошел к столешнице с полочками. Судя по мусорнице, здесь должно быть что-то вроде... Ага, вот. Я вытащил мешок очень похожий на полиэтиленовый, но все же с какими-то фэнтезийными отличиями. Вернулся к гоблину, молча стал упаковывать дерьмо.

– Что ты делаешь, отец? – опустошенно спросила Эла.

Аша вопросов не задавала. Она помнила меня.

– Как что? – удивился я. – Веди меня в своей центр.

Тишина.

– Прости, отец? Что?

– Веди меня на свою работу. Там же есть шпили?

Тишина.

– Нет.

– О, да-а-а.

– Нет-нет-нет. Мама, нет же?

Аша посмотрела на меня. Вздохнула. Посмотрела на дочь и... улыбнулась.

– Мама, нет! Нет-нет-нет!

Пока мы шли к машине, я быстро расспросил Ашу о современном мире. Узнал, что хранители стали ниже воды и тише травы. То ли пропали, то ли затаились. Доган единственный, с кем она редко общается, но он никогда ничего лишнего не говорил.

– А некроморфы?

– Говорят, что вымерли. Их магия не ужилась с современным миром. Тела распадаются...

– А что с магией то?

И то, что я услышал мне понравилось. Магия действительно уходит из Варгарона. Она, как разочарованная богиня, увидела, что творится в мире и, махнув на прощание, ушла прочь... в иные миры. Куда-то туда... далеко. А почему понравилось? Так потому что из меня магия пока никуда не делась. Я был долго законсервирован сильными чарами, и так

быстро меня не ослабить. Да, я чувствую, будто протекаю. Кап... Кап... Я теряю что-то важное и очень нужное. Поэтому нужно спешить.

Элизиума обреченно плелась позади нас, но держала гордую осанку. Это хорошо. Хотя она и говорит, как сопливая девчонка, я чувствую в ней противоборство. В ее душе что-то оживает, увеличивается. О да, расти высоко-высоко. Говорят, что дети превосходят своих родителей. Это было бы... интересно.

Аша всю дорогу странно смотрела на меня:

– Ты сильно изменился, Трайл.

– Ты тоже.

На этом все. Мы подошли к магакару или как там его. Сели. Еле-еле поместились втроем. Да еще и вонючий мешок впритык.

– Тесновато тут с вашими крыльями. Неужели Королева нимф и валькирия не умеют летать? Вам они для красоты?

– Не. На полеты нужно разрешение. Гоблинам не нравится, что кто-то выше них.

– Ну вы и тряпки.

– Не.

И хихикнула.

Аша оживала. Моя старая добрая Аша оживала. Вот ради таких моментов и стоит жить дальше и вытворять всякую дичь.

– Элизиума? – посмотрела я на дочь, втыкающую в про-

страцию. – Тебе не скучно?

– Что это значит, отец?

– Тебе не скучно существовать? Года, века? Неужели ты не променяла бы все это на год жизни?

– Я... не знаю, как по-другому. Таких как ты больше нет, отец. Они все остались в легендах и детских сказках. Я что-то чувствую... не могу понять что.

Я решил блеснуть вековой мудростью:

– Ты чувствуешь огонь. Он разгорается и скоро будет пылать. Я позабочусь об этом.

Едрить меня семеро философов. Вот что значит сотни лет проспать в консервной банке с самим собой.

– Мама, ты какая-то странная. То есть... еще страннее, чем обычно.

– Не.

– Вот об этом я и говорю, мам. Ты разве не боишься?

Аша долго не отвечала, выкручивая руль-оленьи рога и поворачивая на перекрёстке пустого ночного города. И все равно умудрилась не уступить дорогу какому-то разбибиковшемуся хмырю на главной дороге. Я высунулся из окна, махнул тонированному стеклу, мол «извини, мужик. Женщина за рулем страшнее обезьяны с гранатой». Вроде увидел, поморгал фарами, похожими на рождественские шарики.

– Не боюсь, Эл.

Элизиума замолчала. А я стал нагло рассматривать все прелести своей дочери. Ну... а чо? Красивая же. Твою мать,

какая же красotka. Вся в меня.

– Отец, ты меня... разглядываешь?

– Не, – резко отвернулся я.

Спалился. Неудобно-то как.

Аша многозначительно посмотрела на меня. Я улыбнулся болванчиком. На удивление, не почувствовал от нее осуждения. Так, легкое любопытство. Блин, как хорошо, что никто не узнает, что я жесткий извращенец, поглядывающий на дочек. Ну а херли? Я знаю ее только один день. Да и тешит меня мысль, что я – лишь душа, переселяющаяся из тела в тело. По сути, Ашу, точнее Нимфу, поимел Реордан, а я сейчас вообще Ваулур. Меня просто заставляют называть ее дочерью. Хотя... очень странно, но я вижу в ней себя. Какие-то мимолетные движения, привычки. Хотя бы то, что она постоянно накручивает себе на палец волосы. И смотрит иногда так, что хочется провалиться сквозь землю. Словно рентген, сканирующий душу космическими глазами. А глаза и правда космические. Даже не знал, что такие бывают. Если приглядеться, то в них можно увидеть что-то яркое и в огромных количествах. Переплетение звезд.

– У тебя красивые глаза, – не удержался я и козырнул оригинальным комплиментом.

Валькирия проморгалась.

– Да? Ну... спасибо. Наверное. Мне часто это говорят.

Мог бы и догадаться.

– Что у тебя за сила?

Элиза задумалась:

– Я чувствую других. Не всех, но многих. А некоторым могу внушать свои мысли. Слабым, таким как гоблины. Поэтому я работаю в центре. Но об этом никто не знает.

– И что? Гоблины с тобой нормально себя ведут?

– Когда как... – уткнулась Элиза в круглое окно. Видимо разговор окончен. Но я и так все понял.

Злость.

«Буэ-э-э-э!» – прозвучала мерзкая фентезийная бибикала.

Аша резко затормозила, когда ее подрезали. Блатная машина, похожая на позолоченную колесницу без коней, встала перед нами, преграждая проезд. Из нее вышел... да неужели? Гоблин? Какой сюрприз.

Элизиума заерзала.

Аша открыло окошко и сразу же посыпался шквал сквернословия о родословной всех нимф в пятидесяти поколениях. Червь еле дотягивался своей макушкой до дверного окошка, но базарил, как настоящий огр:

– Ти-и-и сто, сучка гоблин-и-и-и, делаешь? Ти-и-и не видишь номери-и-и-и! Я в центри сами-и-и главниии. Элизи-и-и? Ах ты дряни-и-и-и. Это твоя маммани-и-и. Вылазити, пипикварн-и-и-и говняки-и-и эльфи-и-и. Я вам раскази-и-и как ездити-и-и-и.

Аша вздохнула, посмотрела на меня в безмолвном «может не надо?».

Моей улыбке позавидовал бы сатана.

Через полчаса я наслаждался видами ночного города, стоя на самой высокой башне центра по дискредитации. Грязный воздух щекотал ноздри, сильный ветер ворошил седые волосы. Варгарон светился миллиардами разноцветных огней. Нет, это не Москва. Такого города невозможно вообразить даже в самых смелых фантазиях дрочеров на темное фэнтези. Вместо веревки у меня был буксировочный трос. Вместо гирлянд, два пованивающих гоблина, один из которых был блатным донельзя сотрудником центра. Не самым главным, конечно. Понтовался больше. Но в первой пятерке точно. Какой-то там зам зама.

Я, конечно, хотел подвесить на кишках, но стало противно. Да и тонкие они, как Блюмова пиписька. Порвутся. Зато я разукрасил гоблинов в стиле Джека-потрошителя. Вывернул наизнанку, запихав в вонючие пасти гоблинские членюсики. О, Асмодей. Это мне еще долго будет сниться...

Вздыхнув полной грудью аромат гоблинского дерьма, я привязал тощие ножки по обеим сторонам троса и перекинул его через громоотвод. Ногой отправил червей в полет. Они чавкаяще ударились о каменную стену башни, оставляя на ней кроваво-коричневый след.

Я спрыгнул чуть ниже, посмотрел вверх. Э, так не годится. Утром их могут заметить, да и замять дело. Молча снимут, а потом никакого тебе освещения в СМИ и бурной славы для

забытого всеми бога.

Надо как-то сделать заметнее, что ли...

О, да я чертов гений!

Погладил себя по щечкам.

Хороший мальчик.

Взгляд со стороны

Звуки революционного гномьего изобретения.

Магадио, оно же Радио Попова.

Красивый женский голос эльфийской девы вещал на весь город:

Главные новости: неслыханный и беспрецедентный террористический акт произошел сегодня в центре Гоблинбурга. Неизвестные проникли в благотворительный Центр Дискредитации имени Шнейпи Первого. Террористы ворвались в здание, связали орков охранников и подожгли здание. Пожар мгновенно охватил все помещения. По предварительной оценке экспертов он был магического происхождения. Прямо сейчас каменное здание пылает и десять бригад пожарных не могут справиться с огнем. Наш специальный корреспондент в прямом эфире.

– Калдерьбримор, что у вас происходит?

– Здравствуйте, Аландаэль, плохо слышно пшш... пш... пш...

– Калдерьбримор, что у вас? Слышите меня?

– Пшш... пш... Жуть! Что со связью? Ой, ты ёпка Аш-

хаи! Что говоришь там написано? Трайл вернулся менять? Кровью? Кто там висит? Третий советник Бдзын и неизвестный? Что за... Это же Пшш... пш... пипиквар... гоми... бл... пшш... пш... Такое нельзя говорить. Пш... пш... да что со связью?!

– Кхе-м, к сожалению, у нас какие-то неполадки в эфире. А теперь о других, более хороших новостях. Сегодня Великий Бздр Второй утвердил указ об увеличенных сборах с низших рас на льготные выплаты для гоблинов-эмигрантов из...

Я был доволен. Улыбался себе, глядя в окошко. Надо же, под утро город прямо ожил. Ух ты, как всех на разговоры поперло. Шушукуются, ругаются, дерутся. Еще чуть больше хаоса, и я почувствую себя Джокером из фильма «Джокер», ехавшим в полицейской машине после выступления в прямом эфире.

– Аш, слушай, мне кажется, получилось неплохо?

– Эм...

Элизиума смотрела в пустоту своими космическим глазами и шептала:

– Мы все умрем... Мы все умрем... Мы все умрем...

Я похлопал ее по плечу. Элиза вздрогнула.

– Да не ссысь ты, дочка. Провремся. Я не могу остаться тут, но и вас оставлять в этом аду нельзя. А ведь у меня всего три дня.

– Мы все умрем... Мы все умрем... Мы все умрем...

Я вздохнул:

– Аша, кого ты мне родила?

– Ну. Дочь.

– Она трусиха.

– Ну. Не привыкла. Сотни лет жила спокойно. Сам представь.

– О, я тоже сотни лет жил спокойно. Представил, спасибо.

– Ик...

– Ты почему икать стала?

– Не знаю.

Я сузил глаза:

– Я чувствую ложь, Аша.

– Ну. Заикала, как ты пропал...

Тишина.

– Ясно, – отвернулся я к окну. – Прости. Наверное, надо было лучше думать, прежде чем лезть к вампирам.

– Угу.

– Мы все умрем... Мы все умрем... Мы все умрем...

– В следующий раз пойду с армией, – хмыкнул я. – Слушай, а меня тут правда забыли? Ивана Грозного вот никто не забыл. А Гитлера помнить будут еще тысячи лет. Хотя тот еще засранец был.

– Ну...

Элизиума резко замолкла. Мы посмотрели на нее:

– Ты – сказка, отец. Я много работала с гоблинами. В са-

мых верхах. Они тебя ненавидят. Ты убил какую-то древнюю матку и их знаменитого шамана из прошлого.

– А, это... Да я там только мимо прошел. Даже помню плохо. Вот ведь злопамятные...

– Это была их самая старая matka, отец. Одна из первых.

– Хм, да, она была непростая, это точно. Я плохо понял, но мне кажется, в ее составе была эльффридка. Она сохранила разум и... вроде как мне помогла. Хотя я тогда чуть не умер.

– Ты – бич гоблинов. Когда matka умерла, они все это почувствовали.

– О, мне это нравится.

– Они делают все, чтобы о тебе забыли. Наказывают, убивают, пытаются, сжигают манускрипты. Имя Трайл для многих как оскорбление. Даже для низших рас. Лишь эльфы хранят в своей памяти... истинного тебя, отец.

Я зевнул, закинул руки за голову и облокотился о мягкую сидушку.

– Мило. Разбудите, как приедем. Я устал.

И я действительно устал. Пребывание в этом мире вытягивает все силы. А кровь Аши перестала быть такой питательной. Магия покидает ее.

Я не успел уснуть.

– Пап?

– М?

– А ты правда великий герой из другого мира? Ты правда вел за собой армии и боролся с демонами? Ты убил их ценой

своей жизни?

Я открыл глаза. И долго не отвечал.

– Ага, – закрыл глаза. – И погиб от апперкота. Страшная сила.

Еще рано.

Слишком скоро меня стала будить Аша. Хотя я точно знаю, что ехали мы полдня.

– Трайл, просыпайся. Мы приехали...

– Еще минутку...

– Трайл!

– Ладно-ладно. Вот ведь...

Мы вышли из машины. Я огляделся. Ну и вонь.

– Аша, это свалка?

– Да.

– Они здесь?

– Да.

– Замечательно место.

Горы мусора вздымались со всех сторон. Вонь горящих крышек, черный дым, крысы и кизрумы точно описывали местную атмосферу. Я пнул надкусанный БигМак столетней давности, выглядящий еще свежим. Небо не видно из-за смога. Земля не проглядывалась из-за местного аналога пластика.

– И это фэнтези мир, который я пытался спасти? Всего за двести лет вы переплюнули Землю. Аша?

– А?

– Ты помнишь дикие земли? Твой дом. Чистейшие ручьи, хвойный запах, яркое солнце и голубое небо? Ты помнишь сатиров, нимф, удары гномьего молота о наковальню и свист эльфийских стрел?

Аша не посмотрела на меня.

– Нет, Трайл. Я не помню.

– А я помню. Вампиры ничего не забывают.

Мы шли между мусорных холмов, зажимая нос и глядя под ноги. Длинное платье Аши измялось, стало грязным. Моя шикарная обувь превратилась в валенки из сморщенного ануса верблюда.

– Вроде где-то здесь.

– Мама, значит это правда? Легендарные друзья Трайла все еще живы? Я думала, это сказка...

– Это сказка, – кивнула Аша.

Аша показала пальчиком на грудку мусора, огороженного неказистым заборчиком.

– Еще остались те, кто помнит тебя, Трайл. Они охраняли это место много зим. Погибали за эту свалку. Но гоблины так и не нашли их.

Я кивнул.

– Что нужно сделать?

– Убрать мусор. Они глубоко.

– Ага, понятно. Да без проблем. Я же бог. Почему бы не поковыряться в гоблинском дерьме. Тут работы на неделю.

– По-другому никак.

– Ну-ну.

Я глубоко вздохнул:

– Техника обители земной тверди...

Аша замотала головой:

– Будет шумно.

– Круг третий.

– Мама! – ухватила за руку матери Элизиума. – Только не говори мне, что это...

– Ага. Древняя магия эльфов.

Пробуждение матери земли.

Земля, что магию забыла, очнётся от сна веков...

Глава 6. Психопати

Ух ты ж...

Вот это меня прет...

Ну и откат.

Вот отчего я после огненного заклинания в центре го-блинофикации проспал полдня. А я думал, мне показалось. Мол, ну с кем не бывает после векового погребения.

А это еще что за хрень? Я даже боль чувствую. А ведь это всего-то третий круг.

Вонючая куча мусора зашевелилась. Я даже успел трухнуть, что случайно создал мусорного элементаря. Трэшовую Годзиллу – бича современного Варгарона. Но вроде пронесло. Мусор вздыбился вместе с землей и развалился на части, освобождая расчищенную площадку. Растревоженный хлам завонял так, что я стал сомневаться в его естественном происхождении и незаметно нюхнул свою вампирскую подмышку.

Не... точно мусор.

Тяжело дыша, я посмотрел на Ашу:

– Твою Годзиллу за жирнящий зад, Аша, чего мне так плохо-то?

– Магия уходит.

Дочурка смотрела на мое магичество с нескрываемым

восторгом:

– Отец... это...

– М-а-а-агия, – развел я рукам.

– Нет. Да. Это прекрасно. Я больше века не видела ничего подобного. Маги сейчас рождаются очень редко и не доживают и до пятидесяти.

– И почему так происходит? Раньше было проще...

– Никто не знает. Магия просто уходит.

Я задумался. Технологии и магия. Часто слышал теории, что одно не может ужиться с другим. Либо эволюция идет одним путем, либо другим. Читал, что раньше и на Земле была магия. Древние майя и египтяне. Раса атлантов. Забытые боги – Иисус – он же пророк Мухаммед, Зевс, Будда, Шива, Один и прочие. По письменам, которые многие не воспринимают всерьез, говорят, что мир был полон чудес и невероятных существ. Но потом что-то произошло, и мы пошли по иному пути. Кто-то в этой Вселенной строго сохраняет баланс.

– Ладно, че дальше-то? Копать?

– Не.

Аша зашла за ограждение, замотала головой, сосредоточилась:

– МейрДжаХад...

– А можно без джихада?

– Не. МейрДжаХад бейн Ара...

– Ара, слыш чо...

– Трайл, не...

– Извиняюсь.

Аша завела пафосное песнопение.

– Может лучше лопатами?

Земля задрожала, вздыбилась, разошлась во все стороны.

Один за другим появлялись эмм... яйца. По-другому никак не назвать. Прочные, энергетические яйца вырывались из земли и, мигнув ярким светом, пропали. Один за другим на грязной земле оказались... ох...

Мое отсутствующее сердце заболело.

Как давно я не видел эти лица. Я уже стал их забывать.

Надо же...

Прекрасная зеленокожая Кая распростерлась на земле и просто сопела, словно не была под землей сотни и сотни лет.

Эльфоподобный Гурон с моим бывшим, но очень красивым лицом..

Астария. Даже спящая она выглядела величественно. Спящая ледяная королева. Вот она удивится, если гоблин у нее затребует «пососати-и-и-и».

Эхзолл отличался от стальных. Его лицевые мышцы сокращались, он стонал, будто пытаясь проснуться.

Катарсия улыбалась и бубнила что-то на своем. Йолопуки надувал пузырь носом. Драник и Усик похоже сдохли. Ну наконец-то.

Дриайя бледная, но вроде дышит. Ох, а она действительно неплоха. Очень компактная и формистая молодая гномиха.

С такой можно устроить замечательное пати извращенств.
Ну... она стоя может отсосать...

«Больной ублюдок»

«Пшла на! Я уснул в самом соку и не трахался двести пятьдесят семь лет. Никакая мудрость не спасет»

А это что за вяленный кусок недоразумения? Блюм? Ты, сука мохнатая, уснул вылизывая себе яйца? Серьезно. Свернулся и чавкает у себя под хвостом, как соску новорожденный сосет. Мерзкий извращенный ублюдок. Сколько тебя учил правилам приличия, так и остался аморальным хреном.

«На себя посмотри»

«Ты еще тут?»

Последний энергетический кокон заставил меня напрячься.

– Какого...

Эльфийский ребенок сладко спал, обнявшись с корягой.
Тодордан?

Я посмотрел на нимфу в красном:

– Аша? Это что, – ткнул я пальцем в маленького Тодо.

– Ам-м... мальчик?

– Да неужели? О, спасибо, капитанша очевидность. Какого Асмодея он тут делает?

– Не знаю.

– Доган про него не говорил?

– Не.

Я выругался всеми паскудными сквернословиями, кото-

рые только знал. Удивленная Элиза зашевелила губами, пытаясь повторить самые хитровыдранные фразы.

– Отец, это оркское наречье?

– Хуже. Твою ж налево...

Я сел на помятый золотой унитаз. Наверное, местный глава ГИБДД выбросил, поменяв на платиновый. Мд-а, и что мне теперь с ним делать? Все, кто здесь дрыхнет – бывалые вояки и тупые качки. Польза будет от каждого. Один Йолопуки разгонит половину города, как Грета Тунберг на мясном фестивале.

«Не играть по правилам». И как? Может настало время «доверять правилам?». Мол так надо – смирись. А то ведь придется парня сдать в детдом.

Твою муть. Не могу я так поступить. Мелкий хоть и недоросль, но все-таки Зеленая Анаконда. А мы своих не бросаем. Он пошел за мной и моя принципиальная позиция – беречь тех, кто в меня поверил.

– Элиза, есть идеи?

– Я не понимаю, почему ты спрашиваешь меня, отец. Я напомним, что здесь не по своей воле...

– Да что ты? – вспыхнул я. – А по чьей же? Твою жизнь так легко испортить другим? Ты могла бы уйти из дома, пойти к гоблинам и сдать меня. Сказать, что явился сам Трайл и убил гоблина. Получила бы медальку за отвагу. Но ты же так не сделала, верно?

Почувствовал от Валькирии злость.

– Не будь эгоистом, отец. Я сделала это ради мамы.

– А ты попыталась ее уговорить не идти за мной? Хоть как-нибудь? Вы прожили вместе сотни лет, Ашу я знаю не больше года. Думаешь, она бы не прислушалась к тебе? Я чувствую ее. Ты ей важнее, чем я. Просто она понимает, что вокруг одно дерьмо.

Элизиума открыла рот, но я поднял руку:

– Хватит. Даже сейчас у тебя есть выбор. И если ты и в будущем будешь меня винить, то лучше проваливай прямо сейчас.

– Трайл... – занервничала Аша.

Элиза смотрела на меня космическими глазами. Еще немного и меня засосёт в эту черную дыру. Я выдержал этот взгляд и дождался, когда валькирия отвернется, радуя меня идеальными полупопиями, плотно сжатыми черной материей. Офигеть, это что же за фасон платья такой, где даже размер попки учитывается? Если бы ткань была телесного цвета, я бы только впритык понял, что она не голая.

«О.С.Т.А.Н.О.В.И.С.Ь.»

– Надеюсь, разговор окончен. Аша, разбуди их, пожалуйста. Что-то мне хреновато. Посижу на этом... агрегате сдерживания внутренних дел... тьфу ты... шлаков. Отдохну.

Нимфа кивнула. Красивая... Ладно-ладно, завязываю.

– Трайл... – замерла Аша, втыкая в мусорный клубок отходов гоблинской жизнедеятельности.

– Ну?

– Насчет Каи...

Я посмотрел в спину нимфы.

– Что с ней?

– Она тебе сделает плохо.

Интересно девки пляшут. О письме Итерны я никому не говорил.

– С чего ты взяла?

– Ну. Раньше я могла видеть струны.

– Это все объясняет, Аш. Не томи, пожалуйста. У нас очень мало времени.

– Это кентавры только могут. Видят их, переплетающиеся судьбы. Кая душил твою судьбу. Берет так и... кхрк.

– Кхрк, да?

– Тяжело объяснить. Я никому не объясняла. Всевидящие, в отличие от видящих, часто отличают неизменные струны судьбы. У Каи она не меняется и тянется к твоей. Стягивает ее. Как петелька на шее. Может не стоит ее... ну... будить?

Я хмыкнул.

– Если все так неизменно, то есть ли смысл рыпаться, а?

– Смысла... нет. Все случится.

– Что случится?

– Что-то плохое. Ты же знаешь, что говорить о будущем бессмысленно. Его никто не видит и не понимает. Все провидцы могут только чувствовать.

– Ага, ясно. Да, Аша, я в курсе. Даже не так. Я знаю, что

она меня предала. Не спрашивай, откуда. Но знаешь, что? Сколько бы я ее не сканировал, я не вижу в ней злых помыслов. Она не желает мне зла. Наоборот. Только хорошего. Понимаешь теперь, почему я в крайней степени замешательства? Помнишь Эридраса? Блаженного Лайра. Ему еще Астария отс... прислуживала.

– Да.

– Я его убил. Потому что почувствовал в нем злой умысел. Была еще причина, но это неважно.

– Ты убил Эридраса? – развернулась Элиза. – Того самого?

– Что, еще одна знаменитость?

– Конечно. Он и еще одиннадцать аристократов остановили натиск орков в эльфийские земли. А потом он просто пропал. Никто не знает, что с ним случилось.

Аша зацепилась пальчиками себе за нижнюю губу:

– Это плохо.

– Почему?

– Один из тех, кто ждал тебя все это время и помог сохранить это место, был его слуга. Ты его назвал Леголасом. Он много лет пытался разобраться, что случилось с его господином.

Я поморщился:

– Хм, нежданчик. Я думал, он тогда ушел с концами.

– Нет, он вернулся. Мы с ним многое пережили. Он помог мне с вампирскими чарами. Я думала позвать его на помощь,

как только мы тут закончим.

– Я-я-ясно... Так, ладно. Об этом разговоре ни слова. Никому. Аша, Элиза, понятно?

Аша кивнула, а Элизиума проигнорировала. Я посмотрел на нее:

– Понятно же?

– Очень хорошо понятно, отец, – холодно посмотрела на меня дочь. Черт, похоже я слишком рано доверился ей. Ладно, похер.

Я продолжил:

– Так вот. В Кае я не чувствовал никакой угрозы. Я натура чувствительная и убивать тех, кто ко мне так хорошо относится, не готов. Это, не говоря уж о том, что у нее в животе моя... эээ... еще одна прелесть. Слышишь, Элиза? У тебя будет братик или сестрѐнка. Ты рада?

– Не могу сказать, что чувствую радость, отец. Я знала про нее.

– Много тебе рассказали, как я погляжу. Аша, буди. И ротик на замочек, иначе я... огорчусь. Эридрас пропал, ясно? Споткнулся в волчью яму или был изнасилован орком и покончил жизнь самоубийством, не выдержав позора на эльфийскую аристократическую попку. Мне срать. Вы ничего не знаете. Буди. С Каей я сам разберусь.

– Отец, а что, если эта Кая просто забыла, что предала тебя? Что если она потеряла память? Или у нее ее отняли? Тогда она не будет ничего помнить, и ты ничего бы не почув-

ствовал. Я сама очень давно попала на это. Меня подставил очень хороший друг. Это возможно. У эльфов были специальные обряды, если высший аристократ терял свою маску, но знал слишком много. Сейчас это тоже есть. Но только для самых влиятельных гоблинов.

Я задумался. Умная девчонка. Вся в меня. Да, это действительно могло бы сработать. Дерьмо. Вообще-то это полностью объясняет, как можно предать, но при этом об этом не думать и не чувствовать. Возможно, кто-то умный знал о моих возможностях и просто меня переиграл.

– Память можно восстановить?

– Я не уверена. Может быть. Лучше спросить об этом какого-нибудь эльфа, пережившего тебя.

Я встал с унитаза.

– Буди, Аша.

Нимфа подходила к каждому по очереди, клала им на лоб ладонь и что-то бубнила.

– Это Доган тебя научил?

– Да. ТрэшЛакал...

– Не стоит его лакать. Что это за язык? Я не понимаю...

– Хранитель сказал, что это знания некроморфов.

Первой очнулась Кая, заморгала глазами, резко встала:

– Ой... Я умерла. Ой, кто ты? Ой, Аша! Ой! Ой, какая красивая!

Элизиума улыбнулась. Похоже, орчиха ей понравилась.

– Кая, ты как? -спросил я.

– Я как? Даже не знаю. Трайл... это ты?

– Как ты догадалась?

– По улыбке. Ты всегда страшно улы... А что происходит?

Где песочек? Что-то мне... страшно.

– Элиза, могу я тебя попросить объяснить всем просыпающимся, что происходит. Или нет. Ты... успокой их. Ну ты же умеешь, как я. Потом соберем оперативку.

– Как скажешь, отец. Что такое оперативка?

– Увидишь.

Следующий – Гурон.

– Я иду к тебе... камень... моя Дри...и...иии...

Гурон в теле эльфа-вампира крикнул, резко сел на задницу:

– Жопа склирса.

Изрек он гномью мудрость и, замотав головой, схватился за нее рукой.

– Йолопуки, молотом тебя по... что он мне подлил в грог?

– Гурон, бро, это не бодун.

Гном посмотрел на меня заплывшими глазами:

– А ты что за склирз? Где я? Где моя Дри?

– Я – Трайл. А это моя дочь Элизиума. Она тебе проведёт краткий ликбез и вернет в реальность. С возвращением в мир живых, дружище.

Пробуждение Дриайи оказалось скучным. Ну а что? Какая-то тупенькая девочка поохала, поохала и пошла обниматься с Гуроном, с раскрытым ртом слушая вступительную

речь Элизиумы. Кстати, умная у меня дочка. Так все красочно и четко объясняет. Прямо распирает от отцовской гордости. Трахать такую в попку будет жаль...

«Звук Фейспалма»

Йолопуки.

Троль вскочил на ноги:

– Маленькие камушки! С Йолопукой решили драться? Да Йолопуки вас разнесет! Как мелких маленьких гномишек! Как Гурончика! Что? Где вы? Испугались Йолопуки?! О-о-о-о...

– Ах ты склирз вонючий! – оторвался от лекции возмущенный гном.

Астария.

Медленно открыла глаза, оставшись лежать на спине. Только ледяные глаза свирепо смотрят во все стороны.

– С... сколько прошло времени?

– О, Асти, с пробуждением тебя, моя холодная королева.

– Рео? – скосила глаза Астария в мою сторону. – Что с твоим лицом?

– Я самый. Ты проспала двести пятьдесят семь лет. Добро пожаловать в будущее, где гоблины трахают эльфийских королев.

Астария закрыла глаза, медленно и глубоко задышала.

– Это невозможно.

– О, нет, Асти. Возможно. И ты в самом центре этого возможного. Не сделаешь нам мороженного?

– Тебе весело, Рео?

– Крайне. Давно так не веселился. Ты, кстати, хорошо выглядишь. Не могу оторвать от тебя глаз...

– Я убью тебя, Рео. Ты добиваешься этого?

– Нет, что ты. Я надеялся, что мы поможем друг другу. Всячески.

– Ч... что с эльфами? Причем тут гоблины?

– О, прошу тебя, моя дорогая, вон там моя дочь всем все рассказывает. Прошу, присоединяйся.

– Что за вонь?..

– Так воняет свалка. Это такое скопище гоблинских испражнений. Тут ты проспала последние две сотни лет. Кстати, у меня для тебя трон.

Я кивнул в сторону золотого сортира:

– В нашем мире только элита могла позволить себе такие. Ну как, они отвечают за ПДД. Ну там палочкой махнуть мотоциклисту, штраф за превышение выписать...

– Что ты несешь?..

– Хорошее настроение. Рад вас всех видеть. Я, между прочим, не могу похвастаться крепки сном, как у тебя. Но об этом спроси у Элизиумы.

– Ты... хорошо, Рео. Давай поиграем.

Астария не встала, а вспорхнула, лишь мимолетом осмотрев местные красоты, сморщив точеный носик. Отошла к остальным, вклиниваясь в разговор и задавая вопросы, интересные только ей, не обращая внимание на бурчащего Гу-

рона.

А Блюма я пнул.

– Вставай, педераст ушастый.

Ну как пнул. Подцепил на носок и запульнул в то, что мне показалось мягким. Я же не живодер. Кот заверещал и с визгом улетел в какую-то смердящую блевотину.

Аша, удивленно посмотрела на меня:

– Так я же... его еще не пробудила. Как ты это сделал?

– О, это наша с ним магия. У нас с Блюмом она своя. Атмосферная.

Честно говоря, я щас охерел, что он проснулся. Блин, обидится ведь.

Пока орущий котоящер выпутывался из объятий богомерзкого мусора, проснулась Катя и ее два уroda, на которых я даже внимания не обратил.

– Катя, ты в будущем!

– Что-о-о-о-о-о?! – мгновенно подскочила эльфака. – Где-е-е?! Правда? Не может быть? Ты – Трайл? Конечно, ты Трайл. О, а почему так голова боли?! О, а где песок? Что так пахнет вкусно? Ого, сколько тут всего. Мы в будущем? А где песок? А, понятно. Прошло много времени. Даже песка нет. Значит больше сотни лет. Пустыни так просто не пропадают. Ого, сколько вас тут. А это кто? О, этих я знаю! Аша! Красивое платье. Трайл, а кто это такая крылатая? О, на тебя похожа...

Недолгая паузу. Ученая быстро посмотрела на меня, Ашу и на Элизиуму. Я даже рот не успел раскрыть, она продол-

жила тараторить:

– Это твоя дочь? Очень красивая. Ух ты. А что это? Ох, моя голова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.